

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доста-т. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

и

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 Марта.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ предстоящему общему собранію въ Москвѣ.—Замѣтка.—Забывтый драматургъ. *Вл. Линскаго*. — Иностранная «портерная» живопись. *А. Ростиславова*. — Изъ Отчета Театрального Общества.—Хроника театра и искусства — Письмо въ редакцію. *Львова*. — Театральныя замѣтки. *А. К—ся*. — Плясуны (продолженіе). *М. Любимова*. — За границей — Провинціальная лѣтопись. — Справочный отдѣлъ.—Объявленія.

№ 12.

Рисунки: «Человѣкъ въ медвѣжьей шкурѣ». — Театральные типы рис. *А. Ростиславова*. — «Бракъ» 2 рис. *С. Панова*. — По поводу законопроекта Гейнце (2 каррикатуры). — «Орленокъ» (2 рис.).

Портреты: Агнессы Сормы, г-жѣ Тэрьянъ-Коргановой, Негринъ-Шмидтъ, Радиной, гг. Антоновскаго, Донскаго.

Приложеніе: «Менестрель», драматическія сцены въ 1 д. *О. Чюминой*.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

Подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Отъ Конторы: Лицамъ, не слѣдавшимъ своевременно вторго взноса, высылка журнала приостанавливается съ № 10. Лицъ, выславшихъ 3 руб., контора проситъ дослать еще 1 руб. При выслѣкѣ взносовъ, перемѣнахъ адресовъ и, вообще, при всѣхъ заявленіяхъ въ контору слѣдуетъ указывать № подписного билета или бандероли, подъ которой получается журналъ, а по возможности и прилагать печатный адресъ.

За перемѣну адреса городского на городской и иногородняго на иногородній уплачивается 25 коп.; при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—60 коп. (можно почтовыми марками).

Въ конторѣ имѣются комплекты за прошлые года со всѣми приложеніями.

За 1897 г. (безъ № 50) 8 р.

» 1898 г. (безъ № 3) 6 р.

» 1899 г. (безъ № 1) 6 р.

Цѣны безъ пересылки.

С.-Петербургъ, 19-го марта.

Цѣль чрезвычайнаго общаго собранія въ Москвѣ 22 марта — выработка главныхъ основаній союза актеровъ, при помощи представителей провинціального театра, для нуждъ котораго, главнымъ образомъ, и долженъ существовать этотъ союзъ. Нельзя не сознаться, что представленіе объ этомъ учрежденіи крайне смутное у большинства актеровъ. Мы предпочитаемъ слово «союзъ» слову «корпорация». Последняя предста-

вляеть учрежденіе, запечатлѣнное характеромъ государственнымъ и требующимъ законодательнаго введенія въ строй другихъ сословій. Если даже предположить, что такая радикальная реформа сословія сценическихъ дѣятелей не встрѣтила бы серьезныхъ препятствій въ правительственныхъ сферахъ, и что возможно было бы придать актеру значеніе «чина», то и въ такомъ случаѣ, при практическомъ осуществленіи реформы явились бы столь важныя затрудненія, что успѣхъ представляется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Перескочить изъ того состоянія разброда и дезорганизации, въ которыхъ находится современный русскій актеръ, въ званіе, «чинъ», въ разрядъ сословія, превратиться изъ представителя какъ бы отрицаемой профессіи въ правоспособнаго дѣятеля общественной службы—это весьма заманчиво съ точки зрѣнія теоретическихъ гаданій, но и столь-же несбыточно. Не будемъ задаваться химерами, но расчищая постепенно путь, станемъ готовить дѣло будущихъ поколѣній.

Легко сказать — создать сословіе! Стоитъ дать себѣ трудъ обдумать первоначальную организацію простого «союза» для того, чтобы убѣдиться, какими трудностями обставлено это предпріятіе. Какъ установить комплектованіе «сословія», когда въ такомъ туманѣ представляется, изъ какихъ элементовъ долженъ состоять «союзъ»? Союзъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть учрежденъ для улучшенія нравственнаго и матеріальнаго состоянія сценическихъ дѣятелей. Но само собой понятно, что для этого ядро союза должно отличаться извѣстными качествами, доброй нравственностью, трудолюбіемъ, дисциплиною. Если можно выразиться, добрая начала союза находятся въ разсѣянномъ видѣ среди

лицъ сценической профессіи, и союзъ есть форма организаціи, сосредоточенія этихъ началъ. Если зачислить въ «союзъ» всѣхъ тѣхъ, кто именуетъ себя актерами и актрисами, это будетъ то же скопище, что и нынѣ, гдѣ истинные труженики перемѣшаны съ бездѣльниками, шелопаеями и аферистами. Какое значеніе будетъ имѣть членъ союза, добросовѣстно и сознательно усвоившій его дѣли и стремленія, если рядомъ съ нимъ такимъ же членомъ союза будетъ антрепренеръ, запятнавшій себя безсовѣстными гешефтами, актеръ, нарушавшій требованія элементарной порядочности, актриса, поступившая на сцену для того, чтобы прикрыть высокими флагомъ искусства позорный промыселъ? Кому же нуженъ такой союзъ? Какую радость доставить онъ его членамъ, какой законной гордостью наполнить онъ сердца тѣхъ тружениковъ, которые душу положили въ любимое дѣло? Наконецъ, какую гарантію, въ глазахъ администраціи, театральнымъ предпринимателей, общества, закона и обычая, представить принадлежность къ такому союзу?

Условимся же въ основаніяхъ будущаго союза. Твердо и рѣшительно нужно отсѣчь все негодное, все дилетантствующее, все пошлое и грязное, все нерадивое и безразличное, все пьяное, гнусное и ничтожное...

Союзъ долженъ быть «солю» актерской земли. Искусъ долженъ предшествовать состоянію въ числѣ членовъ его. Испытанная добросовѣстность, давность пребыванія, незапятнанная репутація, заслуги предъ искусствомъ—таковы требованія, которыми должны удовлетворять учредители,—та группа товарищей-актеровъ, на которыхъ сценический міръ возлагаетъ отвѣтственность за благополучіе и процвѣтаніе союза. Эти учредители устанавливаютъ выборы, принимаютъ въ союзъ всѣхъ благонадежныхъ служителей сцены и безъ всякаго сожалѣнія отвергаютъ сомнительные элементы. Такимъ путемъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, само собою выяснится, кто достоинъ и кто недостоинъ званія актера.

Пребываніе въ союзѣ необязательно. Точно также необязательно—дабы не стѣснять промысла—принимать на службу только членовъ союза. Но союзъ, несомнѣнно, представитъ столько выгодъ, дастъ такую огромную нравственную поддержку своимъ членамъ, подниметъ на столько званіе актера, что горько пожалѣютъ тѣ, кому гордость или еще того хуже, дѣянія, противныя чести, помѣшаютъ вступить въ число его членовъ. Постепенно образуется истинное сословіе тружениковъ сцены, отдѣленныхъ рѣзкою чертою союза—отъ той ничему не учившейся, ничего не знающей, подозрительной по своему прошлому орды, которая осаждастъ провинціальныя сцены и единственнымъ признакомъ актерскаго званія считаетъ бритье бороды и употребленіе косметикъ.

Мы не вдаемся въ подробности и не желаемъ навязывать собранію свои соображенія относительно организаціи будущаго союза. Но резюмируя нашу мысль, повторимъ еще разъ: союзъ долженъ быть собраніемъ лучшихъ людей театральнаго міра. Союзъ есть органъ общаго дѣла, органъ обновленія и новой жизни, и потому онъ долженъ быть чистъ въ своемъ основаніи, какъ тѣ горные ручейки, которые, по мѣрѣ теченія, образуютъ многоводную и шумную рѣку...

Мы получили множество писемъ съ выраженіемъ искренняго огорченія по случаю ухода В. С. Кривенко. Всѣ рады почтить В. С. Кривенко. Но къ сожалѣнію, мы были введены въ заблужденіе, ибо В. С. Кривенко стоитъ уже нѣсколько лѣтъ почетнымъ членомъ Театральнаго Общества. Идея, такимъ образомъ, предвосхищена, а почетъ—предпосланъ дѣятельности В. С. Кривенко. Безъ сомнѣнія, общее собраніе въ Москвѣ найдетъ другой способъ выразить чувства, одушевляющія большинство членовъ Театральнаго Общества. Въ своемъ прощаніи съ Совѣтомъ В. С. Кривенко указалъ на своего замѣстителя А. Е. Молчанова. А. Е. Молчановъ извѣстенъ своею энергіею и прекраснымъ знаніемъ театральнаго дѣла. Освобожденный отъ своихъ обязанностей при дирекціи Императорскихъ театровъ, А. Е. Молчановъ располагаетъ въ настоящее время достаточной свободой и достаточнымъ досугомъ, чтобы посвятить себя сложнымъ реформамъ и вопросамъ, назрѣвшимъ въ театральной жизни.

Поступило на памятникъ Ѳ. Г. ВОЛКОВУ.

Отъ М. Н. Ш-ро	1 р.
Отъ П. П. Струйскаго	3 р.
Отъ бр. Адельгеймовъ	50 р.

Послѣднее пожертвованіе получено при письмѣ слѣдующаго содержанія:

Глубоко тронутые Монаршей милостію, спѣшимъ отозваться на призывъ, помѣщенный въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ и имѣемъ честь препроводить Вамъ (50) пятьдесятъ рублей на сооруженіе памятника Ѳ. Г. Волкову. *Робертъ и Рафаилъ Адельгеймы.*

Всего съ прежде поступившими 60 р.

Забытый драматургъ.

1.

Въ любомъ русскомъ театрѣ—въ столичномъ, или въ глухой дебри, въ какой-нибудь Тмутаракани—въ числѣ декоративныхъ принадлежностей вы непременно найдете высокій-высокій шестъ съ громкой надписью „Сторожевой столбъ“, а подъ ней какую-нибудь фантастичную цифру, изображающую число верстъ... Появился этотъ шестъ въ нашихъ театрахъ очень давно, еще въ 1861 году, когда на сценѣ петербургской „Александринки“ объявились сразу два новыхъ драматурга, которыхъ въ извѣстномъ смыслѣ судьба допускаетъ сближеніе. Драматурги эти: нынѣ здравствующій П. Д. Боборыкинъ, дебютировавшій пьесой „Одюдворецъ“, и покойный, но и теперь читаемый и любимый провинціальной публикой, Викторъ Антоновичъ Дьяченко, для первой пьесы котораго „Жертва за жертву“ и предназначался „Сторожевой столбъ“...

Впрочемъ, 1861-й годъ, собственно, нельзя считать началомъ дѣятельности Дьяченко, какъ драматурга. Есть основанія полагать, что первые водевильы его, только безъ фамиліи автора, были поставлены на сценѣ Александринскаго театра еще въ пятидесятыхъ годахъ. Первый же драматическій опытъ его—переводъ „Макбета“—относится еще къ 1838—39 гг., когда Дьяченко, благодаря одному курьезному случаю, сдѣлался среди петербургскихъ театраловъ „притчей во языцѣхъ“.

Какъ для характеристики самого Дьяченко, такъ и для выясненія тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ сложилось его пристрастіе къ театру,—мы считаемъ не лишнимъ рассказать этотъ эпизодъ, носящій характеръ анекдота. Но прежде нѣсколько общихъ замѣчаній.

Конецъ тридцатыхъ годовъ былъ одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи русскаго театра. Какъ на московской, такъ и на петербургской сценахъ появился тогда цѣлый рядъ талантливыхъ исполнителей, какихъ русская сцена еще не видала. Настроеніе самаго общества въ то время,

торомъ воспитывался будущій драматургъ, отнимали много времени,—онъ все же всѣ вечера проводилъ въ театрѣ. Среди артистовъ у него имѣлось много знакомыхъ, благодаря которымъ будущій драматургъ былъ въ курсѣ всѣхъ закулисныхъ дѣлъ. Вскорѣ подоспѣлъ и „театральный“ романъ, окончившійся очень печально для Дьяченко *).

Любимцей публики въ то время была красавица В. Н. Асенкова. И старъ, и младъ, и сѣдой генералъ, увѣнанный орденами, и безусый студентъ—всѣ были у ногъ очаровательной актрисы; ея всѣ восхищались такъ же, какъ нѣкогда танцовщицей

«ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ МЕДВѢЖЬЕЙ ШКУРѢ».

Опера А. Мендельсона.

См. за границей.

какъ нельзя болѣе, способствовало увлеченію театромъ. Съ легкой руки Бѣлинскаго, пропѣваго страстный дифирамбъ театру, литература стала удѣлять много мѣста искусству, вообще, и театру—въ частности, а лучшіе журналы даже завели особые отдѣлы театральной критики. Понятно, наиболѣе увлекалась театромъ молодежь. Она, по свидѣтельству современниковъ (напр., Г. А. Бурдина *), въ буквально́мъ смыслѣ бредила театромъ. Кстати будетъ замѣтить, что изъ среды этой молодежи вышелъ и А. Н. Островскій, который — по словамъ того же Бурдина—пристрастился къ театру еще будучи въ гимназій.

Когда началъ посѣщать театръ Дьяченко—намъ въ точности неизвѣстно, но въ 1838 г. онъ былъ въ Александринскомъ театрѣ до нѣкоторой степени своимъ человѣкомъ. Не смотря на то, что занятія въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ ко-

истинной. Пылкій Дьяченко также не могъ остаться къ ней равнодушнымъ. Толпа поклонниковъ, окружавшихъ Асенкову, ничуть не смутила самоувѣреннаго юношу, и онъ энергично началъ ухаживать за молодой артисткой. Чего-чего ни придумывалъ онъ, чтобы лишь разъ увидать свою любимицу. Не говоря уже о томъ, что онъ не пропускалъ ни одного спектакля, въ которомъ участвовала Асенкова,—Дьяченко преслѣдовалъ ее вездѣ, преслѣдовалъ съ чисто-юношеской, безкорыстной настойчивостью: поджидалъ ее у театральнаго подъѣзда, посѣщалъ церковь, когда тамъ бывала Асенкова и т. д. Отказывая себѣ часто въ самомъ необходимомъ, онъ копилъ деньги лишь для того, чтобы приобрести билеты на ея бенефисы не въ кассѣ театра, а лично у ней, изъ ея рукъ, платя конечно, за это неболь-

*) Описаніе нижеслѣдующаго эпизода изъ жизни Дьяченко взято изъ замѣтки одного изъ близкихъ къ Дьяченко («Новое Время» 1876 г.).

шое удовольствіе бѣшенныя цѣны. Напрасно Асенкова старалась образумить юношу и намеками давала понять, что онъ только бесполезно тратитъ время, ухаживая за ней. Его ничто не могло остановить. Разъ даже онъ, долго не видя Асенкову и соскучившись по ней, рѣшилъ во что-бы то ни стало пробраться за кулисы. Сдѣлать это было однако очень трудно, такъ какъ строгости въ то время были необыкновенныя и, кромѣ начальствующихъ лицъ, никого изъ постороннихъ за кулисы не пускали. Дѣлалось, впрочемъ, еще включевіе для... сбитенщиковъ, которые продавали сбитень рабочимъ. Стоило о послѣднемъ обстоятельстве только провѣдать молодому Дьяченко, какъ въ головѣ у него уже созрѣлъ отчаянный планъ. Онъ досталъ подходящий костюмъ, приобрѣлъ посуду для сбитня и самый сбитень, и отправился за кулисы, гдѣ даромъ поилъ сбитнемъ всѣхъ рабочихъ, бывшихъ на лицо. Денегъ онъ потратилъ много, и это для него было очень чувствительно, но зато онъ добился своего—и видѣлся съ Асенковой, которая, вѣроятно, отъ души поохоталась надъ затѣей молодого романтика. Неизвѣстно до чего бы дошелъ этотъ романъ, если бы въ концѣ 1839 г. ему не послѣдовалъ неожиданный эпилогъ, не столько, впрочемъ, печальный, сколько курьезный.

На одной изъ вечеринокъ Дьяченко встрѣтился съ другимъ рынымъ и горячимъ поклонникомъ Асенковой. Слово за слово, и дѣло дошло до ссоры, которая вскорѣ приняла такіе размѣры, что рѣшено было покончить дѣло дуэлью. Назначили день и мѣсто. Но товарищи какъ Дьяченко, такъ и его противника, считали поводъ, побудившій къ ссорѣ, не на столько серьезнымъ, чтобы изъ него слѣдовало жертвовать чьей нибудь жизнью. Уговорить же горячаго Дьяченко покончить дѣло миромъ—было трудно, поэтому рѣшено было пуститься съ нимъ на хитрости. Одинъ изъ секундантовъ подсунулъ Дьяченко револьверъ съ холостымъ зарядомъ, а противнику, по завѣдомому уговору съ нимъ, положили за галстухъ пулю. Дьяченко выстрѣлялъ, противникъ, конечно, упалъ. Всѣ бросились къ нему, поахали, поговорили о счастливой контузій и, въ концѣ концовъ, заставляли Дьяченко, ничего не подозревавшего, помириться съ противникомъ.

Слухи о дуэли однако скоро разнеслись по Петербургу и Дьяченко былъ высланъ изъ столицы. О продолжѣ съ нимъ во время дуэли онъ узналъ только тогда, когда былъ уже далеко отъ столицы. Самый фактъ, между прочимъ, послужилъ сюжетомъ для водевиля „Юные романтики или пуля за галстухомъ“, долго не сходявшаго со сцены.

Этотъ эпизодъ, помимо характеристики Дьяченко, какъ человѣка, можетъ еще служить намъ ключемъ къ выясненію нѣкоторыхъ сторонъ его творчества.

Асенкова, какъ наиболѣе яркая звѣзда петербургскаго театральнаго неба, давала тонъ всему репертуару. На сценѣ тогда господствовали—хочу сказать—мелодрама съ одной стороны, а съ другой—колкій и остроумный водевиль. Послѣдній даже уже началъ понемногу вытѣснять мелодраму; ходячей формулой театраловъ того времени было изреченіе Репетялова:

Водевилъ есть вещь, а протес все гиль.

Въ одномъ изъ повременныхъ изданій мы встречаемся съ такой характеристикой водевиля: „Водевилъ хорошъ, хоть въ немъ толку мало, но зато очень много каламбуровъ, куплетовъ, намековъ, двусмысленностей, остротъ и плоскостей. Надобно знать, что толкъ—вещь совершенно излишняя въ порядочномъ водевилѣ: опъ можетъ быть милъ и безъ него.

особенно если въ немъ играютъ г. Дюръ и дѣвица Асенкова“ *).

Что Асенкова была безподобной исполнительницей водевилей,—объ этомъ свидѣлствуютъ и всѣ остальные современники. Естественно, что Дьяченко, всѣ раннія эстетическія воспріятія и впечатлѣнія котораго связаны съ ея именемъ, увлекался водевилемъ. Да и наконецъ, водевиль ближе былъ самой натурѣ жизнерадостнаго и увлекающагося Дьяченко, чѣмъ скучная мелодрама съ ея прописной моралью. Тѣмъ не менѣе, водевиль сослужилъ ему хорошую службу, и сдѣлалъ его весьма замѣтнымъ драматургомъ: на водевилѣ онъ изучалъ условія сцены и вмѣ же, собственно, началъ свою карьеру.

Въ теченіи 20 лѣтъ, послѣ дуэли, Дьяченко былъ вдали отъ Петербурга, а слѣдовательно и вдали отъ тѣхъ новыхъ теченій, которыя появились въ драматической литературѣ. Правда, окончательно онъ не порвалъ связей со столицей и слѣдилъ внимательно за литературой **) и за тѣми „гражданскими мотивами“, которые волновали въ то время общество. Но увы, театръ силенъ непосредственностью и остротой впечатлѣній. Сколько ни читай о театральномъ представленіи,—все же не составишь себѣ о немъ даже приблизительнаго понятія, особенно если театральное искусство не регрессируетъ, а прогрессируетъ, какъ то было въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ. Дьяченко могъ знакомиться съ новыми формами драматическаго искусства только теоретическимъ путемъ. Практика же его ограничивалась тѣмъ, что онъ видѣлъ еще въ тридцатыхъ годахъ. Въ провинціи, если и былъ театръ, то онъ шелъ далеко позади столичнаго.

Такимъ образомъ технику свою Дьяченко несомнѣнно развилъ на водевиляхъ. Необыкновенная „специальность“ его произведеній, въ которой ему не пахидлось соперниковъ даже по мнѣнію его лютыхъ противниковъ,—явилась слѣдствіемъ сначала изученія водевиля. Позднѣе самъ Дьяченко написалъ множество водевилей, которыми положительно заполнилъ всѣ сцены. Эти водевилы едва-ли чѣмъ-нибудь уступали тѣмъ, которые пользовались расположеніемъ публики въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Однако, они не составили имени Дьяченко и его дѣятельности въ этой области прошла совершенно незамѣченной.

Къ 1860 г., когда Дьяченко появился съ своими драматическими произведеніями, мода на водевилъ уже прошла. Жизнь ставила на очередь множество вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. „Эпоха великихъ реформъ“ была въ полномъ разгарѣ, и вотъ всѣ тѣ, кто такъ недавно канканировалъ подъ мотивы популярныхъ водевилей,—теперь съ печатью „великой думы“ на челѣ мечтали о героическихъ подвигахъ, мечтали о томъ, что „они“, а не естественный, исторически-правильный, ходъ событій переформируютъ Россію. Увлеченіе было общее, хотя, конечно, опредѣленныхъ и вѣзвнательныхъ стремленій почти ни у кого не существовало. Всѣ жили „гражданскими мотивами“ и требовали ихъ отъ другихъ. Разумѣется, и театръ долженъ былъ до извѣстной степени отразить въ себѣ общее настроеніе. Необходимо было и со сцены громкими словами „жечь сердца людей“, жечь сердца, которыя и безъ того черезчуръ пылали.

Въ репертуарѣ, царившемъ въ шестидесятихъ годахъ на нашей сценѣ, можно отмѣтить два яркихъ теченія. Во-первыхъ, проникновеніе на сцену народ-

*) «Сѣверная Пчела», 1837 г., № 1.

**) И даже самъ принималъ въ ней участіе. Въ 1844 г. въ сборникъ «Молодикъ» появились впервые его стихи.

ныхъ, демократическихъ идеаловъ — наслѣдіе славянофиловъ. Родоначальникомъ и наиболѣе виднымъ представителемъ этого теченія былъ А. Н. Островскій. Второе теченіе явилось слѣдствіемъ перемѣщенія центра тяжести общественной мысли изъ вопросовъ личной психологіи и этики въ сторону полезности гражданской. Выѣстъ съ этимъ появился новый могучій общественный классъ — разночинецъ. Это перемѣщеніе принесло съ собою новые идеалы, соответствующіе новой средѣ. „Пересмотръ“ шелъ на всѣхъ парахъ и не только въ законодательныхъ и редакціонныхъ комиссіяхъ. Личность, въ отношеніяхъ и обществу, и особенно къ семьѣ требовала такой-же эмансипаціи, какъ и сословная жизнь крѣпостного права.

Это теченіе нашло многихъ проповѣдниковъ. Дьяченко, какъ человекъ передовой, былъ среди нихъ.

Естественный ходъ въ развитіи творческихъ способностей Дьяченка (по естественному порядку: водевилъ, легкая комедія и серьезная комедія, а затѣмъ, можетъ быть, и трагедія) былъ прерванъ. Онъ сдѣлался „идейнымъ“ драматургомъ, пѣвцомъ „гражданскихъ мотивовъ“ и... „тутъ смерть ему приспичила“, какъ говорится, кажется, въ какомъ-то старинномъ водевилѣ.

Вл. Линскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Иностранная „портерная“ живопись.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ТИПЫ.

Актеръ на выходныя роли.
(Изъ отставныхъ гимназистовъ).

Рис. А. Р.—ва.

Испанскіе художники доказали возможность невозможнаго, устроивъ художественную выставку картинъ, на которой совершенно нѣтъ картинъ. Представьте себѣ, что кто-нибудь собралъ „картины“, укравшія стѣны трактировъ, портерныхъ, входы въ лавочки всякаго старья въ Апраксиномъ дворѣ и устроилъ изъ нихъ „художественную“ выставку, и вы получите понятіе о художественныхъ достоинствахъ первой у насъ выставки гг. испанскихъ художниковъ. Это — картинная лавочка самаго послѣдняго разбора, гдѣ „картины“ висятъ чуть не на потолкахъ, столахъ по угламъ, висятъ по полу, гдѣ нѣкій художникъ (не помню и не интересуюсь его именемъ) устроилъ на полу прямо складъ своихъ невозможныхъ черныхъ лубочныхъ акварелей. И вотъ эта лавочка сапционирована національными испанскими флагами и покровительствомъ г. испанскаго посла. Надо по истинѣ слишкомъ плохо думать о насъ „сѣверныхъ варварахъ“, чтобы угощать насъ подобными „художествомъ“. Впрочемъ, что же? „Сѣверные варвары“ похаживаютъ, кое-что похваляютъ и попомнюжку покупаютъ.

„Портерная“ живопись многимъ у насъ по вкусу. Краски яркія, сдѣлано чисто, аккуратно, „выписано“, „сюжеты миленькіе“, размыты въ болыиштвахъ подходы, рамки хоть куда. Чего-же еще? Идѣ понятія у насъ очень простыя: яркія краски — значитъ колоритъ, „чисто“ сдѣлано — значитъ — хорошій рисунокъ. Пусть въ этой поднослѣй живописи нѣтъ ни одного живого вѣрнаго природнаго тона, пусть почти вездѣ полное отсутствіе изученія и пониманія формъ. Я уже не говорю объ отсутствіи какихъ бы то ни было индивидуальныхъ чертъ въ этихъ точпо фа-

бричныхъ издѣліяхъ, о томъ, что испанскіе художники какъ будто и не слыхивали о всѣхъ послѣднихъ вѣяніяхъ въ живописи, если исключить нѣкоторые болыиш безобразныя картины съ намеками якобы на импрессионизмъ. Было бы странно вдаваться въ детальныя разборы этой выставки. Если на ней и попадаются сравнительно приличные вещи болѣе или менѣе извѣстныхъ художниковъ, то все это не выше ординарнаго уровня, все это тонетъ въ массѣ ремесленныхъ издѣлій художниковъ, не понимающихъ живописи, рисунка, не чувствующихъ природы, не любящихъ искусства и заботящихся, повидному, только о сбытѣ. Даже итальянская выставка, самая худшая изъ всѣхъ бывшихъ у насъ иностранныхъ, очень близкая, по общему характеру ремесленности, къ испанской, все-таки представляла болыиш интересъ, ибо на ней попадались крупныя вещи крупныхъ художниковъ. Выборъ вещей, отираемыхъ на заграничныя выставки, вообще, всегда случаенъ, и къ нему нельзя относиться слишкомъ строго, но если искусство страны стоитъ высоко, это должно сказываться при всякомъ выборѣ. Нельзя не порадоваться за нашу живопись. Даже самая неслыханная и ремесленная изъ нашихъ выставокъ — выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ кажется почти художественнымъ по сравненію съ выставками испанской и итальянской, съ этими выставками живописцевъ въѣсокъ и поставщиковъ „портерныхъ“ картинъ. Гг. „портерщики“! Торопитесь раскушать, если цѣны „умѣренныя“, картины гг. испанскихъ художниковъ. Это ваша живопись!

Въ послѣдніе годы художественныя выставки одолеваетъ насъ своимъ количествомъ. Казалось бы этому можно было только радоваться. Пусть публика какъ можно болѣе и шире заводитъ съ искусствомъ, съ его крупными и мелкими проявленіями въ нашей и въ заграничной живописи, но только не съ ремесленностью, не съ подѣлкой подъ искусство, ибо вкусъ публики все еще не установился, ей все еще трудно разобраться въ подѣльныхъ ремесленныхъ и истинныхъ проявленіяхъ искусства. Поэтому отъ души желаемъ, чтобы эта первая у насъ испанская художественная выставка была и послѣдней.

А. Ростиславовъ.

Изъ Отчета Театральнаго Общества.

Намъ доставлены корректурныя листы отчета Русскаго Театральнаго Общества за 1899 г. занимаемъ изъ него нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя данныя.

Членовъ въ отчетномъ году было 1507 человекъ, т. е. на 46 болѣе, чѣмъ въ 1898 г. Ростъ очень незначительный, но хорошо что есть и такой. Доходы общества въ отчетномъ году выразились въ крупной цифрѣ — 44,140 р. 13 к., тогда какъ въ 1896 г. поступило всего около 13,000 р., въ 1897 около 20,000 и въ 1898 г. около 24,000 р. Въ этомъ году, между прочимъ, была передана Обществу Высочайше дарованная субсидія въ 10,000 рублей. На расходы было отчислено 19,355 р. 23 коп. Неприкосновенный капиталъ выразился въ 42,214 руб. 48 к.

Изъ специальныхъ средствъ Общества отымѣтъ:

Неприкосновенный капиталъ Убѣжища, увеличившійся съ 15,299 р. до 19,031 р. 07 коп.

Капиталъ на устройство дѣтскаго пріюта увеличился на 231 р. 30 к. и теперь — 6796 р. 23 коп.

Особую графу расходовъ составляютъ пособия, въ суммѣ 5871 р. 32 к., значительнѣе превосходящей сумму пособій, выданныхъ въ прошлыхъ годахъ (въ 1896 г. — 5603 р. 36 к., въ 1897 г. — 5043 р. 29 к., въ 1898 г. — 4087 р. 45 к.). Указанная сумма распадается на двѣ части: 570 руб. выданныхъ лицамъ, получавшимъ пособия до введенія новаго устава Общества, и 5367 р. 57 коп. — пособій членамъ и не членамъ Общества по § 5 и 6 устава. Пособіяны воспользовались всего 118 лицъ и 2 труппы.

Дѣятельность справочно-статистическихъ Бюро, особенно московскаго, было въ этомъ году весьма обширна. Московскимъ Бюро получено въ отчетномъ году писемъ и телеграммъ 5883 и исслано ответовъ и записокъ 12,646. Черезъ посредство Бюро заключено 902 контракта изъ коихъ 868 по аванжементамъ, 31 по сдачѣ театровъ и 3 контракта по прокату костюмовъ.

Въ отчетѣ, между прочимъ, отмѣчается, что антрепренеры и артисты далеко не оплачиваютъ расходовъ по почтовымъ и телеграфнымъ отгѣтамъ. Тоже повторяется и съ %, которые уплачиваются также неаккуратно, какъ и въ прежніе годы.

Въ отчетномъ году особая коммиссія при Совѣтѣ приступила къ разработкѣ вопросовъ, намѣченныхъ на

всероссийскомъ Свѣдѣ русскихъ сценическихъ дѣятелей. На первомъ планѣ, разумѣется, была переработка устава Общества на принципахъ, выраженныхъ въ резолюціяхъ Свѣзда. О работахъ въ этомъ направленіи въ свое время у насъ уже сообщалось.

Затѣмъ было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи спектаклей Великимъ постомъ, которое, какъ извѣстно, увѣнчалось почти полнымъ успѣхомъ. Зато было отклонено ходатайство передъ Министерствомъ путей сообщенія о льготномъ проѣздѣ по ж. д. Точно также не увѣнчалось успѣхомъ и ходатайство о печатаніи ежегодно въ „Прав. В.“ общаго алфавитнаго списка разрѣшенныхъ пьесъ.

Отрицательный отвѣтъ послѣдовалъ и на ходатайство объ уменьшеніи благотворительнаго сбора съ народныхъ театровъ.

Въ 1899 г., между прочимъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Совѣту Русскаго Театральнаго Общества предоставлено право входить въ Министерство съ ходатайствами о запрещеніи составлять труппы и открывать театры лицамъ, завѣдомо въ этомъ отношеніи неблагонадежнымъ. Этимъ правомъ Совѣтъ ни разу еще не рѣшилъ воспользоваться, понимая, какъ велика здѣсь его ответственность.

Возбуждено также ходатайство относительно предоставленія Обществу права фактическаго надзора надъ театральнымъ дѣломъ въ Россіи и содѣйствія администраціи агентства Общества.

Еще въ 1898 г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ циркулярно предложено губернаторамъ, чтобы при представленіяхъ Министерству о разрѣшеніи кому либо открывать театральныя агентства или конторы, а также сценическіе курсы и школы, предварительно требовали бы о сихъ лицахъ свѣдѣнія отъ Совѣта Театральнаго Общества. Совѣтъ далъ неблагопріятныя заключенія по поводу учрежденія такихъ лишь коммисіонно-театральныхъ конторъ, характеръ дѣятельности которыхъ былъ-съ явно и очевидно вреднымъ для прогресса театральнаго дѣла.

Отчетъ Общества заканчивается, между прочимъ, заявленіемъ, председателя В. С. Кривенко отъ 12 октября 1899 г. объ отказѣ отъ авансія председателя. Приводимъ это заявленіе дословно.

Многоуважаемый мой предмѣстникъ А. А. Потѣхинъ передъ оставленіемъ поста председателя нашего Совѣта неоднократно высказывалъ мнѣ свое пожеланіе видѣть меня своимъ замѣстителемъ. Въ этомъ же духѣ бесѣдовали со мной и нѣкоторые члены Совѣта. Не желая тормозить общественную машину и чувствуя возможность оказать нѣкоторую матеріальную пользу симпатичному учрежденію, я согласился принять кандидатуру, но при этомъ заявилъ, что могу взять на себя тяготу управленія дѣлами Общества лишь на короткій срокъ. Въ Общемъ Собраніи, при выборахъ, не смотря на лестное для меня почти единогласное избраніе, я также опредѣленно объявилъ о готовности принять, хотя и почетную, но въ высшей степени отвѣтственную должность не болѣе какъ на годъ.

Въ дѣйствительности жизненная практика показала, что предсѣдательствованіе въ Совѣтѣ нашего Общества, все еще находящагося въ періодѣ преобразованій, далеко не похоже на... (благодушное шепство). Приходилось отбывать не легкую общественную повинность, усиленно работать, ходатайствовать, доказывать, и волноваться, волноваться и волноваться...

Конечно, лично было бы разсчитывать на бездѣлье; въ каждомъ мысленномъ учрежденіи надо работать, но трепать свои нервы мнѣ было очень непріятно; по складу же своего характера и существу возникавшихъ разнообразнѣйшихъ отношеній нельзя было избѣжать этого.

Какъ бы то ни было, но я, сохраняя съ членами Общества добрыя отношенія, въ теченіе года, насколько мнѣ хватило способности и умѣнья, выполнялъ добросовѣстно общественную повинность. Кой что, какъ свидѣлствуютъ цифры, мнѣ удалось сдѣлать. Указанный мнѣ годовой срокъ истекъ. Я считаю себя свободнымъ отъ обязательства и увѣдомляю Совѣтъ о сложении съ себя званія председателя.

Разставаясь съ своими сотрудниками по Совѣту, я уношу какъ о членахъ Совѣта, такъ и о служащихъ въ Петербургскомъ и Московскомъ бюро самую лучшую память. Душевно желаю, чтобы не поминали лихомъ и меня.

ХРОНИКА театра и искусства.

Бюджетъ драматической труппы Императорскихъ петербургскихъ театровъ на текущій сезонъ сокращается, по слухамъ, на 24,000 рублей. Подлежатъ увольненію 16 человекъ, которые выслужили двадцатилѣтній пенсіонный срокъ; на вторичную службу пенсіонеры оставлены не будутъ. Кромѣ подавшихъ въ отставку артистовъ: М. В. Дальскаго, Ф. П. Горева М. М. Читау, кончаютъ службу въ русскомъ театрѣ: Э. Ф. Федорова, гг. Сосновскій, Петровскій и увольняются бывшіе питомцы Императорскихъ сиб. драматическихъ курсовъ г. Борисовъ и г-жа Моравская.

Вновь приглашены: гг. Самойловъ, Трофимовъ (помощникъ режиссера), Яковлевъ-Востоковъ, г-жи Немирова-Ральфъ и Ашанина.

* * *

Дирекція Литературно-Художественнаго Общества, согласно постановленію чрезвычайнаго Общаго Собранія 18-го февраля 1900 года, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующія правила конкурса на три преміи: въ 1000 руб., въ 500 руб. и въ 300 руб., имени Литературно-Художественнаго Общества, за оригинальныя русскія драматическія произведенія.

1) Пьесы, представляемыя на конкурсъ, должны быть оригинальными, видѣ еще не игранными и заключать не менѣе 4-хъ актовъ.

Примѣчаніе. Премія можетъ быть назначена и за 3-хъ актную пьесу, при условіи ея исключительныхъ литературныхъ и сценическихъ достоинствъ.

2) Пьесы представляются въ Дирекцію Литературно-Художественнаго Общества (С.-Петербургъ, Фонтанка, 65, зданіе Малаго театра), подъ девизами, при запечатанномъ конвертѣ, въ коемъ имѣется фамилія и адресъ автора. Конверты эти вскрываются только въ случаѣ признанія пьесы заслуживающею премію.

3) Срокомъ представленія пьесы на конкурсъ опредѣляется 1-е сентября 1900 года.

4) Преміи присуждаются въ полномъ размѣрѣ или частями.

5) Литературно-Художественное Общество имѣетъ преимущественное право постановки премированной пьесы въ своемъ театрѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ со дня выдачи преміи, причемъ авторъ не имѣетъ права, до перваго представленія на сценѣ театра Общества, давать ее гдѣ-бы то ни было, и, кромѣ того, въ теченіе двухъ лѣтъ—на сценахъ Петербурга и его окрестностей.

6) Премированная пьеса, какъ 4-хъ, такъ 5-ти актная, оплачивается при представленіяхъ десятью процентами съ валоваго сбора.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выдачи преміи пьесѣ 3-хъ актной, авторъ получаетъ поспектальную плату въ размѣрѣ 6% съ валоваго сбора.

7) Авторъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права, до истеченія двухлѣтняго срока со дня перваго представленія, требовать снятія пьесы съ репертуара театра Общества.

8) О результатахъ конкурса публикуется въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ.

* * *

Н. Н. Соловцовъ подписалъ контрактъ на будущій сезонъ въ Одессу съ г-жами Пасхаловой, Велизарій и гг. Шуваловымъ, Недѣлинымъ, Скуратовымъ и Степановымъ.

* * *

Лѣтній сезонъ въ Петербургѣ не обѣщаетъ блистать разнообразіемъ. Предстоятъ, по слухамъ, двѣ русскія оперы: товарищество г. Максакова въ „Аркадіи“ и кн. Церетелли въ „Акваріумѣ“. Г. Максаковъ въ настоящее время находится въ Петербургѣ.

* * *

Съ 30-го апрѣля открывается лѣтній сезонъ на полуоткрытой сценѣ Невскаго Общества. Завѣдуетъ здѣсь спектаклями небезызвѣстный Петербургу режиссеръ Н. А. Горскій. Репертуаръ составленъ имъ весьма умѣло. Вотъ перечень того, что намѣчено къ исполненію, помимо водевилей съ пѣніемъ:

«Борисъ Годуновъ» (открытіе), «Фролъ Скабѣевъ», «Скопинъ-Шуйскій», «Царская невѣста», «Дѣвичій переполохъ», «Желѣзная маска», «Дитя», «Въ 80 дней вокругъ свѣта», «Кинь», «Укрощеніе строптивой», «Трилогія о Бальзаминовѣ», «Самородокъ», «Тартюфъ», «Продѣлки Скопена», «Сканарель», «Судьба генія», «Нежданный гость—благодѣтель» (въ память о Суворовѣ), «Волковъ, основатель русскаго театра», «Шутъ Балакиревъ», «Денежныя тузы», «Золотая рыбка», «Ванька-Ключникъ», «Жеманницы».

* * *

Антреприза Витебскаго театра на предстоящій зимній сезонъ передана В. Я. Шамардину.

На предстоящій лѣтній сезонъ 1900 г. театръ въ г. Новозыбковѣ снятъ И. К. Ураловымъ, драма и комедія, начало сезона съ 1-го мая. Товарищество И. К. Уралова въ Новозыбковѣ второе лѣто.

Въ репертуаръ Малаго московскаго театра на будущій сезонъ—будетъ включена „Накнпъ“ П. Д. Боборыкина. Предполагается также постановка „Доревзачію“.

Лѣтній театръ въ Новомъ-Кунцевѣ снятъ В. В. Стефановскимъ. Драма. Театръ въ Старомъ Царицынѣ (по московско-курской ж. д.) сдастъ Е. П. Зорелли и А. М. Васильковой.

Московский Художественно-Общедоступный театръ принимаетъ поѣздку по югу. 10-го апрѣля будетъ данъ первый спектакль въ Θεодосіи. Билеты въ нѣкоторыхъ городахъ разобраны уже по предварительной записи.

Въ понедѣльникъ состоялось первое экзаменаціонное испытаніе учениковъ театральной школы, класса Ю. Э. Озаровскаго. Поставлена была пьеса Ибсена «Праздникъ въ Сольгаукѣ» и три акта «Хрушовскихъ помѣщиковъ». Экзаменовались ученицы: Лачинова, Чарская, Елистратова, ученики Корнѣевъ и Крыловъ. Мы подождемъ слѣдующихъ экзаменаціонныхъ испытаній и тогда выскажемся о молодыхъ исполнителяхъ. Скажемъ пока лишь, что тщательность обученія видна на каждомъ шагу, и еще то, что экзамены, вообще, даютъ мало понятія объ истинныхъ способностяхъ подвѣржающихся испытаніямъ, а въ сценическомъ отношеніи гдѣ все зависитъ отъ спокойствія, самообладанія и настроенія—тѣмъ болѣе.

На предстоящій лѣтній и зимній сезоны дирекціей Омона въ Москвѣ приглашены слѣдующіе артисты: гг. А. С. Полонскій, Расудовъ, Кошевскій, Смоляковъ, Кригеръ, Флоровскій, Лаптевъ. Козаревъ-Сокольскій, Хохловъ, Линарь и др.; г-жи Варламова, Кручинина, Бауэръ, Бѣгичева, Зорина, Маркова, Зарайская, Юрьева, Райская, Драгомиръ, Балина, Сангутская, Лелина, Потоцкая, Смирнова и др. Режиссеромъ состоитъ г. Полонскій.

О симпатичномъ начинаніи намъ пишутъ изъ Саратова. Маленькая труппа изъ 6 человекъ основала труппу для народныхъ общед. спектаклей. совѣтъ распорядителей екатеринославской комиссіи народныхъ чтеній нашель возможнымъ сдать Л. И. Шильдкрету аудиторію на 8 спектаклей согласно ходатайству послѣдняго. Во главѣ формируемой г. Шильдкредомъ труппы стоитъ М. В. Дальскій. Репертуаръ: „Гамлетъ“, „Идиотъ“, „Ревизоръ“, „Рюи Блазъ“, „Закалъ“, „Князь“, „Горе отъ ума“, „Молодость Іоанна Грознаго“.

Опубликованъ новый списокъ пьесъ дозволенныхъ къ представленію съ исключеніями. Въ общемъ разрѣшено новинокъ 57. Имѣются и отзвуки современности. Г. А. А. Ч—въ подарилъ насъ «Бурами и англичанами въ Трансвааль»; на той же трансваальской нивѣ поработали г. Браудъ («Въ Трансвааль къ бурямъ») и г. Богемскій «Трансваальскій доброволецъ». Передѣлкой и на этотъ разъ очень характерной является «Великій полководецъ Суворовъ» А. Ч—ва, по собственному признанію автора «сюжетъ заимствованъ изъ исторіи Полевого» и «равныхъ повѣстей». Кромѣ этого генерала есть еще, другой «Влюбленный генералъ» В. Протопопова. Въ списокѣ двѣ г-жи Шабельскія: одна «безъ идеала» (А. С.), а у другой (Е. А.) съ любовью и короной «Графомъ Эссексомъ»—овому талантъ, овому два — поистинѣ... Передѣланъ для русской сцены «Жакъ потрошитель». Изъ иностранныхъ авторовъ повезло Шницлеру, Гольдону, Евгению Сю, Э. Беркера, («Plus que reine») и В. Гюго. У послѣдняго нашелся «подражатель»—нѣкій Савченко-Осмоловскій, который передѣлалъ въ монологъ «Послѣдній день приговореннаго къ смерти».

Очень повезло малорусской литературѣ, гдѣ появились «Хваустъ», «Зазраду», «По паньски» и др.

Скончалась бывшая артистка балетной труппы Императорскихъ театровъ, г-жа Легатъ-Гранкенъ, мать нынѣшнихъ танцовщиковъ Маринскаго театра.

9-го марта, комиссія для присужденія преміи по конкурсу на сочиненіе струнныхъ тріо, объявленному С.-Петербургскимъ обществомъ камерной музыки на капиталъ М. П. Бѣляева, по рассмотрѣніи трехъ присланныхъ сочиненій, нашла, что тріо, подъ девизомъ «Arts et labor», заслуживаетъ преміи. По вскрытіи конверта сочинителемъ этого тріо оказался Н. Н. Амалинъ.

Агнесса Сорма, извѣстная нѣмецкая артистка.
(Къ московскимъ гастроямъ).

Изъ Кіева пишутъ. 10-го марта состоялось засѣданіе театальной комиссіи рассмотрѣвшей, между прочимъ, списокъ оперъ русскихъ композиторовъ: опредѣлено обязать антрепренера ставить въ теченіе года не менѣе 4-хъ оперъ, перечисленныхъ въ представленномъ списокѣ. Относительно расхода по страхованію театра, содержанію служащихъ, очисткѣ театральной территоріи и проч. комиссія постановила производить его за счетъ антрепренера, предоставивъ ему эксплоатацию вѣшалокъ и буфета. Такъ какъ сумма этого расхода будетъ значительна, и покрытие ее предполагено дѣлать изъ залога, то послѣдній опредѣленъ въ десять тысячъ рублей. Цифра эта можетъ быть уменьшена до 5,000 руб., но только въ томъ случаѣ, если театральное имущество, принадлежащее антрепренеру, будетъ оценено не менѣе 10,000 руб. Комиссія нашла возможнымъ предоставить антрепренеру право ставить 15 бенефисовъ въ сезонъ по возвышеннымъ цѣнамъ. Цѣны выше бенефисныхъ будутъ разрѣшаться только для гастролей артистовъ съ выдающимися талантами. Цѣмы на мѣста будутъ вырабатываться комиссіей и утверждаться думой.

Докладъ г. Пчельникова — «Обзоръ провинціальныхъ театровъ, въ отношеніи пожарной безопасности, о которомъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ, вызвалъ, въ собраніи общества архитекторовъ, продолжительный и оживленный обѣтъ мнѣній. Техники признали, что выработанный лѣтъ 13 назадъ обязательныя постановленія о постройкѣ и содержаніи театровъ теперь во многомъ не удовлетворительны. Многія мѣры, теоретически казавшіися важными и полезными, на самомъ дѣлѣ не оправдались. Выработка поэтому новыхъ обязательныхъ мѣропріятій совершенно необходима. Но чтобы говорить о театрахъ и

выработать действительно полезныя мѣры къ ихъ безопасности, необходимо хорошо знать внутреннюю жизнь театровъ. Между тѣмъ для техникувъ она совершенно неизвестна. Въ нее до сихъ поръ посвящено мало лицъ, можно сказать даже — единственно только лица, близко стоящіе къ театальному дѣлу. Нѣтъ по этому вопросу и литературы. Участіе театралныхъ дѣятелей въ разработкѣ мѣръ поэтому очень желательно. Насколько выяснилось изъ статистическихъ данныхъ, самое главное при пожарахъ въ театрахъ это то, что обыкновенно недостатокъ воздуха, который настолько быстро портится, что спящіе въ первыхъ рядахъ часто задыхаются, не успѣвая даже встать съ своихъ мѣстъ. Это обстоятельство требуетъ къ себѣ особаго вниманія. Слѣдуетъ также внимательно подумать и о способахъ изолированія въ случаѣ надобности, хотя бы на время, сцены отъ зрительнаго зала. Имѣющіеся теперь желѣзные завѣсы хотя и полезны, но часто не достигаютъ цѣли: плохо содержатся, не умѣютъ съ ними обращаться и пр. Число выходовъ должно быть увеличено и особенно изъ партера, для чего находящаяся внизу ложи бешуара слѣдовало бы совсѣмъ уничтожить, а на мѣсто ихъ устроить выходные двери. Матеріальный ущербъ для театровъ отъ этого едва ли пропадетъ, такъ какъ тогда увеличивается полезность партера. Крайне неудовлетворительна пыль и водопроводная охрана театровъ. Почти всѣ они находятся на общей водопроводной сѣти, вслѣдствіе чего въ верхніе этажи вода по слабости напора можетъ не достигать. Для устранения этого около театровъ нужно имѣть спеціальныя водопроводныя подстанціи или же устраивать на верху театралныхъ зданій особые баки съ водой. Общество архитекторовъ рѣшило принять на себя попечіе въ разработкѣ новыхъ обязательныхъ для всей Россіи постановленій о постройкѣ и содержаніи театровъ. Для этого изъ членовъ общества ооразована будетъ спеціальная коммисія, въ составъ которой приглашены будутъ также спеціалисты пожарнаго дѣла, дѣятели-практики театральнаго дѣла и представители страховыхъ обществъ.

* * *

Въ Ростовскомъ мировомъ съѣздѣ разбирались, по апелляціонной жалобѣ артистки Наталы Львовны Ахметъ, по сценѣ Башкирцевой, дѣло о взысканіи съ г. Синельникова въ ее пользу слѣдующія по конецъ сезона жалованье, 70 рублей и судебныя издержки.

Апелляціонная жалоба г-жи Ахметъ, прочитанная въ съѣздѣ, весьма обширна. Оставляя въ сторонѣ юридическія соображенія, г-жа Ахметъ обращала вниманіе судей на несправедливый, по ее словамъ, поступокъ съ нею г. Синельникова. «Я полагаю,—писала она,—что законъ и мораль въ данномъ случаѣ не будутъ идти въ разрѣзъ, если на вещи посмотрѣть проще. Антрепренеръ Синельниковъ пригласилъ меня на цѣлый сезонъ въ то время, когда я была приглашена другимъ антрепренеромъ. Я приѣхала въ Ростовъ за тысячу верстъ. Все шло благополучно: Синельниковъ и труппа были мною довольны; антрепренеръ нашелъ возможнымъ увеличить мое жалованье съ 50 рублей въ мѣсяцъ до 70 р. Но вдругъ въ послѣднее время, безъ всякой видимой причины, обращеніе со мной Синельникова стало холоднѣе и притѣсненнѣе. Далѣе г-жа Ахметъ, да объясненія этой перемены, живописуетъ хронику закулисной жизни. По ее словамъ, «антрепренеры и, въ особенности, чувствующіе за спиною сильную денежную или иную поддержку, своего рода маленькіе царьки. Съ премьерами имъ еще приходится такъ или иначе считаться, а съ второстепенными и третьестепенными артистами они находятъ излишнимъ сколько-нибудь церемониться. Такъ, напримеръ, артистки должны всегда и во всемъ, даже не касающемся сцены, быть къ ихъ услугамъ. Однако, говорить о себѣ г-жа Ахметъ, «я люблю сцену и высоко ставлю искусство, которому себя посвятила. Унижая себя, я унижала бы искусство. Три года, какъ я кончила институтъ, я дочь богатыхъ родителей и могла бы пойти по другой, болѣе выгодной дорогѣ, но я чувствовала влеченіе къ сценѣ. Отсюда и корень разлада между мною и антрепренеромъ Синельниковымъ. Послѣдній, между прочимъ, мало того, что при встрѣчѣ не подавалъ мнѣ, какъ и другимъ артисткамъ, руки, но и не считалъ нужнымъ простымъ наклоненіемъ головы показать, что замѣчаетъ насъ и наши поклонны. Наоборотъ, артистки обязаны были при его появленіяхъ привстать и кланяться, не удостоиваясь отвѣта со стороны Синельникова. Оскорбляла такимъ отношеніемъ не только артистка, но и женщина. Артистка, во всякомъ случаѣ, не ученица и не мастерица изъ модной мастерской. Я и перестала, конечно, кланяться».

Во всемъ этомъ дѣлѣ ее интересуетъ не матеріальная сторона, а принципиальная: ей хотѣлось бы заставить г. Синельникова уважать искусство и его служителей, даже такихъ второстепенныхъ, какъ она. На расписку въ кассовой книгѣ, о добровольномъ полученіи ею расчета, она просила не обращать вниманія, такъ какъ артисты расписываются въ подуче-

ніи жалованья, обыкновенно, не читая текста записей. Въ качествѣ свидѣтелей г-жа Ахметъ просила вызвать г-жу Лутицъ и артистовъ Н. К. Новикова и М. М. Петипа.

За выѣздомъ, г. Петипа, повѣренный истцы согласился на слушаніе дѣла въ отсутствіе этого свидѣтеля, если противная сторона признаетъ, что г-жа Ахметъ была уволена не «по негодности», а за излишествомъ силъ въ труппѣ. Повѣренный г. Синельникова—пом. прис. пов. Колосовъ, на это отвѣчалъ утвердительно. Г. Новиковъ опредѣлилъ сценическія способности г-жи Ахметъ словомъ «полезность»; говорилъ, что артистовъ не принято увольнять въ концѣ сезона и онъ, въ своей антрепренерской дѣятельности, подобнаго отношенія къ труженникамъ сцены не допускаетъ. Г-жа Ахметъ служила у него одно лѣто, на первыхъ и вторыхъ роляхъ, получая по 40 р. въ мѣсяцъ. Затѣмъ, съ точностью было установлено, что г-жа Ахметъ, принимая ангажементъ отъ г. Синельникова, имѣла уже мѣсто на весь сезонъ въ орловскомъ город. театрѣ и если согласилась принять приглашеніе ростовскаго антрепренера, притомъ за гораздо меньшее вознагражденіе, то только потому, что думала упрочить свою карьеру, какъ артистки, такъ какъ ростовская сцена въ театральномъ мірѣ считается выше орловской.

Съѣздъ опредѣлилъ: взыскать съ Н. Н. Синельникова въ пользу Н. Л. Ахметъ 70 р. вознагражденія и 50 р. судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ.

Въ этомъ дѣлѣ, вѣроятно, есть нѣчто недоговоренное, и едва-ли г. Синельниковъ, безъ серьезныхъ нарушеній служебной дисциплины, рѣшился бы уволить въ срединѣ сезона г-жу Башкирцеву.

* * *

Дирекція Литературно-художественнаго театра ведетъ, какъ мы слышали, переговоры съ г-жей Дигъпровою, отпослельно дебютировавъ ей на сценѣ этого театра. Г-жа Дигъпрова, по слухамъ, выступить въ «Волшебной сказкѣ». Въ труппу принять г. Сѣверскій, выступившій въ роли Генриха въ «Потопившемъ колоколѣ» и обнаружившій прекрасныя данныя лирическаго любовника. Для Генриха г. Сѣверскій и слишкомъ молодъ, и пожалуй, недостаточно выразителенъ. Пріятно, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что оперетка не положила на г. Сѣверскаго своей печати. Въ Вѣлугинѣ дебютировалъ г. Правдинъ, припавшій публикѣ хорошо. Труппу оставляютъ г-жа Некрасова-Колчинская, г. Высоцкій и нѣк. др.

* * *

Гастроли М. Г. Савиной въ Одессѣ шли съ блестящимъ успѣхомъ. Дано было 19 спектаклей (изъ нихъ три утреннихъ)—всѣ съ аншлагами. Антреприза, въ лицѣ г. Долинова получила огромную прибыль. 16 марта М. Г. Савина выѣхала въ Харьковъ.

* * *

Принадлежавшіе В. А. Николаеву-Соколовскому театрѣ и садъ «Фантазія» на дняхъ приобрѣтены въ собственность моск. куп. В. С. Самойловымъ, который предполагаетъ съ нынѣшняго сезона начать ихъ эксплуатацію.

* * *

Г-жа Азагорова кончила на зиму въ Самару. На лѣто сформирована С. И. Крыловымъ труппа въ Екатеринбургъ: въ нее вступили, между прочимъ, Ѳ. П. Горевъ.

* * *

Въ «Нов. Врем.» встрѣчаемъ слѣдующее письмо въ редакцію.

Форменная одежда гражданскаго вѣдомства, присвоенная чиновничеству и учащемуся юношеству, пережилъ за послѣдніе годы нѣкоторую реформу и, не отличаясь вообще пестротой, украсилась наплечными знаками. Старая формы уступили мѣсто «тужуркѣ», стоячій воротникъ почти повсюду замѣненъ болѣе удобнымъ отложнымъ, прадѣдовскіе фракы выродились въ темный вицъ-мундиръ, постепенно вѣтшаемихъ свортукомъ съ блестящими пуговицами и наплечниками. Реформа не коснулась только «синенькихъ вѣтушковъ не русскаго стиля», какими кажутся теперь ученики драматическихъ курсовъ при театральномъ училищѣ, продолжавшіе носить установленную форму синіе фракы, какіе приходится нерѣдко встрѣчать на лакеяхъ въ богатыхъ купеческихъ домахъ. Каково юнымъ артистамъ означенныхъ драматическихъ курсовъ встрѣчаться съ ливрейною прислугой такихъ домовъ, когда гости поставлены въ затрудненіе поразительнымъ сходствомъ не только синихъ фраковъ, но и серебриныхъ на нихъ пуговицъ, и происходить комическія недоразумѣнія вслѣдствіе того, что нерѣдко для полноты злополучнаго сходства «услужившіе» и подстрижены «по-господски» и выбриты «по-актерски».

* * *

Гастроли Харьковской оперы. „Демонъ“ у гастролеровъ Панаевского театра прошелъ исправно, — не болѣе. Сильнаго впечатлѣнія опера не произвела, и сомнительно, чтобы она съ успѣхомъ для дирекціи продержалась на репертуарѣ. Обставлена опера недурно, мѣстами хорошо, мѣстами же весьма слабо. Какъ на курьезъ, можно указать на выталькиваніе задней стѣны въ послѣдней

въ артисткѣ и не замѣчалась рутиннымъ опернымъ ломаніемъ. Отъ Тамары — г-жи Радиной вѣетъ молодостью, а это уже не мало. Голосъ пѣвицы со всѣмъ еще юнъ, и несомнѣнно разовьется и получитъ тройную силу звучности. По нѣкоторымъ признакамъ, я имѣю основаніе думать, что со временемъ изъ этого матеріала образуется сильное драматическое сопрано.

Гастроли Харьковской оперы кн. Церетелли.

картинѣ — этимъ гимнастическимъ упражненіемъ и выражается „разрушеніе монастыря“, изображаемое въ оркестрѣ. — Оркестръ шелъ подъ управленіемъ г. Сука. Темпы имъ избираемые частенько грѣшатъ не правильностью: такъ, въ сценѣ обращенія Тамары къ отцу, съ просьбой отпустить въ монастырь, г. Сукъ почему-то затягивалъ темпъ, а въ послѣдней картинѣ въ аріи „Ночь тиха, ночь тепла“ — темпъ взять слишкомъ быстрый, вслѣдствіе чего эта сцена не оставляетъ никакого впечатлѣнія. Манера г. Сука вскакивать со стула для управленія поющимъ на сценѣ хоромъ — не изъ красивыхъ. Партеру смотрѣть на спину г. Сука нѣтъ никакого интереса.

Изъ исполнителей никто ничего яркаго и оригинальнаго не создалъ. Г. Каміонскій (Демонъ) велъ свою роль очень неровно. Нѣкоторые моменты вышли у него удачно (сцена съ Ангеломъ — 1 картина 3-го дѣйствія, дуэтъ съ Тамарой — 2 к. 3 д.), но наряду съ этимъ, напримѣръ, арія „На воздушномъ океанѣ“, была спѣта слишкомъ холодно и монотонно. Вообще, „Демонъ“ г. Каміонскаго мало похожъ на лермонтовскаго. Артистъ въ „Демонѣ“ изображаетъ больше опернаго любовника, нежели „духа сомнѣнія и зла“. Неудаченъ у г. Каміонскаго и гримъ, и совсѣмъ плохъ костюмъ съ длиннымъ треномъ (sic).

Г-жа Радиная (Тамара), видимо, неопытная еще артистка и начинающая пѣвица. Тамара въ ея исполненіи слишкомъ эскизна. Но думается мнѣ, что изъ молодой пѣвицы со временемъ выработается хорошая и умная артистка. Въ пѣніи г-жи Радиной много искренности и пріятной простоты, которая еще удержалась

Г-жа Радиная.

Какъ мнѣ сообщали, г-жа Радиная кончила курсъ пѣвіи въ Вѣнѣ, гдѣ пѣла нѣкоторое время, а затѣмъ получила авгажементъ въ Кельнѣ. Въ Одессѣ и Харьковѣ молодую пѣвицу публика принимала радушно. Двухлѣтнее пребываніе на сценѣ пѣвицы — срокъ слишкомъ краткій, чтобы добыть необходимую опытность, но и теперь въ игрѣ артистки не слишкомъ много пробѣловъ. Посовѣтую г-жѣ Радиной обратить вниманіе на ея привычку поднимать правую руку къ уху. Этотъ пріемъ практикуется на сценѣ для того, чтобы избѣгнуть рѣзкаго движенія внизъ приподнятой или протянутой впередъ руки, но задерживать руку у уха не красиво.

Г-нъ Тарасовъ былъ недурнымъ Гудаломъ. Заключительную сцену 2-го дѣйствія артистъ провелъ съ большою энергіею.

Г-жа Карпова — совершенно не подходитъ для роли Добраго генія. Остальные исполнители были плохи. Публики было много.

Б. М. Соловьевъ.

* *

10-го марта въ залѣ Благороднаго собранія была представлена „Послѣдняя жертва“ Островскаго въ исполненіи прекрасныхъ артистовъ. Комедія была поставлена не въ полномъ видѣ — всего 4 акта, что, впрочемъ, мало мѣшало впечатлѣнію. Пятый актъ, вообще, представляетъ въ техническомъ отношеніи нѣрѣдко большія затрудненія.

Разыграна была пьеса съ рѣдкимъ ансамблемъ. Многія сцены захватывали потрясающимъ драматизмомъ и яркостью воспроизводимыхъ образовъ; такова сцена между Тугиной (г-жа Глинская) и Ф. Прибытковымъ (г. Медвѣдевъ). Изъ исполнителей врядъ

ли кого приходится выдвинуть и отдать предпочтение; до того всё, что называется, «спѣлись», образуя стройное пѣ-
лое. Особенно удачнымъ надо считать четвертый актъ, гдѣ
г-жа Глинская взяла жизненный правдивый тонъ, гдѣ пора-
зительно хороши были гг. Даматовъ и Медвѣдевъ. Вечеръ
закончился танцами и оставилъ прекрасное впечатлѣніе

О. Д.—въ.

* * *

Шумановскій вечеръ, данный, 12-го марта, обществомъ
музыкальных педагоговъ, нужно причислить къ наиболее
удачнымъ по цѣльности художественнаго впечатлѣнія. На
этотъ разъ не было обычнаго обилия исполнителей, зато
выступили «приванные». Это особенно относится къ вокальной
части программы Романсы Шумана — недосгаемые образцы въ
этомъ родѣ, и несмотря на небольшой объемъ, ихъ можно
смѣло отнести къ вершинамъ художественнаго творчества
вообще. Гармоническое слияніе двухъ областей, поэзіи и
музыки, здѣсь необычайное, и надо равно чувствовать
красоту того и другого, что не часто встрѣчается. Исполнители,
г. Сениусъ и г-жа Жеребцова-Евреинова, недаромъ завоева-
вшие себѣ имя на концертной эстрадѣ, сдѣлали и на этотъ разъ
все, чтобы дать слушателямъ полное наслажденіе. Имъ при-
шлось спѣть чуть не тройную программу. Нельзя также умол-
чать о художественномъ аккомпаниментѣ г. Вульфуса. Что
касается инструментальной части, то она представлена была
симфоническими этюдами и фортепьяннымъ квинтетомъ.
Извѣстный пианистъ и педагогъ, г. Гляссеръ, показалъ себя
и на этотъ разъ великолѣпнымъ исполнителемъ въ ансамблѣ,
менѣе удовлетворявъ насъ, какъ солистъ. Въ квинтетѣ у
него была и та жизнь, свобода, молодость столь нужная у
Шумана, которыхъ мѣстами не доставало въ передачахъ «Этюд-
довъ». Партнеры квинтета, съ г. Вольфъ-Израэлемъ во главѣ,
бодро справлялись съ своей нелегкой задачей. Сверхъ про-
граммы и не безъ ущерба для ея внутреннего единства,
спѣлъ г. Унгеръ-Федорова нѣсколько арій французско-итали-
анскаго опернаго репертуара. Отдавая должное его богатымъ
голосовымъ даннымъ и умѣлому исполненію, мы не можемъ
не пожалѣть, что пѣвецъ не нашелъ въ своемъ репертуарѣ ве-
щей, которая бы менѣе нарушила цѣльное впечатлѣніе ве-
чера. Впрочемъ, артистъ имѣлъ большой успѣхъ, публика
осталась довольна, ergo — побѣдителей не суетятъ. Я. Э.

* * *

Послѣ сумбурной «драматической фантазіи» «Визга» (Гроза)
І. Гривовскаго, польская группа сыграла 14-го марта пяти-
актную комедію М. Ялуцкаго «Гусыни и гусенята». Пьеса
эта очень популярна на родинѣ и принадлежитъ къ числу
легкихъ полусатирическихъ «комедій». Здѣсь молодая
дама, производящая свой родъ отъ какихъ-то «знаменитыхъ
жаннерійскихъ» («гусыня»), здѣсь добродѣтельный женихъ,
общающій въ будущемъ стать чѣмъ-то иродъ быстрого ра-
зумомъ Ньютона, здѣсь развѣ-ангелская дѣвица и архи-раз-
сѣянный профессоръ. Въ результатѣ двѣ свадьбы и постра-
паніе капитолійской гусыни.

«Изъ ничего выходитъ ничего» — могли-бы сказать испол-
нители. Впрочемъ, г. Винклеръ — работающій на сценѣ уже
22 года и изъ ничего сдѣлалъ очень многое: въ его испол-
неніи картонный профессоръ ожилъ и заговорилъ. Мила
была г-жа Бернцкая; очень недурна г-жа Бартошевская.
Г-нъ Зельверовичъ рѣшительно не задумался надъ ролью
и велъ ее по своему выработанному шаблону т. е. громко,
нежизненно-бойко и съ большимъ шаржемъ. О. Д.—въ.

* * *

Концертъ тенора г. Унгеръ-Федорова привлекъ много-
численную публику, и въ матеріальномъ отношеніи ока-
зался вполне удачнымъ. Въ музыкальномъ смыслѣ сказать
того же нельзя.

Въ одной изъ моихъ замѣтокъ, упоминая про участіе г.
Унгеръ-Федорова и отнѣсивъ его умѣніе пѣть и фра-
зировать. Къ сожалѣнію, прослушавъ самостоятельный кон-
цертъ артиста, я пришелъ къ полному разочарованію.
Нѣтъ, какъ мнѣ кажется, сомнѣнія, что г. Унгеръ-Фе-
доровъ умѣетъ пѣть лишь только то, что онъ проштудировалъ
подъ чѣмъ либо руководствомъ, даромъ же самостоятель-
наго пониманія музыкальных произведеній онъ едва ли
обладаетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ спѣтыхъ нумеровъ г. Унгеръ-
Федоровъ проявилъ неподозрительную безвкусицу. Не вѣ-
рю, возможно ли безцѣлнѣ «отвѣлять» великолѣпный ро-
мансъ Глинки — «Я помню чудное мгновенье!» Пѣвецъ
съ грѣхомъ пополамъ выучилъ ноты и не только не выучилъ
словъ, но даже не счелъ нужнымъ возникнуть хорошенько въ
ихъ смыслъ. Романса поэтому никакого не было, а были от-
дѣльные звуки, даваемые частенько небрежно и некрасиво.
Никакого настроенія не было и въ строфахъ Нерона — Ру-
бинштейна. Пѣвецъ что-то такое умное, говорилъ кикля-
то слова — а что собственно онъ хотѣлъ выразить — этого ни-
кто не понималъ, да и самъ исполнитель, повидимому, не по-
нималъ. Красивый романсъ Длусскаго «Ночь» я слышалъ ча-

сто, но даже среди любителей, не встрѣчалъ такихъ слабыхъ
исполнителей, какимъ оказался концертантъ. Не вдумавшись
въ слова, не намѣтивъ себѣ музыкальных оттѣнковъ, смѣны
настроений, не овладѣвъ вполне дикціей и не найдя, нако-
нецъ, необходимой выразительности въ лицѣ, нельзя высту-
пать на эстраду съ романсомъ. Достигнуты выразительности
въ романсѣ гораздо труднѣе, нежели въ оперной аріи, въ
которой уже сама форма (1, 2 и 3 части) намѣчаетъ необ-
ходимые ньюансы. Надъ романсомъ, чтобы найти необходимую
выразительность, приходится работать несравненно дольше,
нежели надъ аріей. Трафаретъ къ нему не приложимъ. Между
тѣмъ исполненіе г. Федорова производило такое впечатлѣніе,
словно онъ лишь просматривалъ романсы. Музыкальность въ
пѣвѣ развита очень плохо и надъ этимъ поработать ему
придется не мало. Совсѣмъ слаба у пѣвца дикція, а на рус-
скомъ языкѣ она ниже всякой критики. Можно лишь поди-
виться смѣлости пѣвца выступать съ такимъ полуграмотнымъ
произношеніемъ русскихъ словъ.

Голосъ г. Унгеръ-Федорова въ произведеніяхъ иностран-
ныхъ композиторовъ звучалъ несравненно лучше, нежели въ
русскихъ романсахъ. Въ первыхъ артистъ чувствовалъ себя
свободно и давалъ временами положительно блестящія ноты
(«Африканка», «Жидовка», трудный по тесситурѣ наставль
изъ «Пророка»), въ русскихъ же вещахъ голосъ дѣлался не-
узнаваемъ. Въ романсѣ Глинки слышались тусклость и безвуч-
ная *fu*, въ романсахъ Длусскаго совсѣмъ слабая *hi* и плохо
филированное *sol dièse*, въ строфахъ «Нерона» весь центръ
и верхній регистръ потеряли всякую мсталичность. Несом-
нѣнно, все это происходитъ отъ поспѣшной работы; всю про-
грамму пѣвецъ выучилъ кое-какъ. Лицо у г. Унгеръ-Фе-
дорова лишено всякой подвижности. Смотри на него невольно
вспоминается Лермонтовскій стихъ:

И на челѣ его высокомъ

Не отразилось ничего.

Очень хорошее впечатлѣніе произвелъ скрипачъ г. Ми-
хайловскій, вернувшійся въ родные края послѣ продолжи-
тельныхъ занятій въ Парижѣ подъ руководствомъ извѣстнаго
Марсика. Молодой артистъ окончилъ петербургскую кон-
серваторію по классу профессора Ауэра. Годы, проведенные за-
границей, принесли г. Михайловскому несомнѣнную пользу.
Въ техническомъ отношеніи онъ сдѣлалъ солидные успѣхи.
Въ виртуозности его есть эффектный блескъ и игра его эле-
гантна и выдержана. Упреки артисту можно сдѣлать лишь за
нѣкоторую холодность, побольше бы темперамента...

Съ большимъ бріо г. Михайловскій сыгралъ чардашъ —
Брэма-Юахима, чѣмъ и вызвалъ горячія одобренія. Двѣ ча-
сти изъ сюиты Риса исполнены были менѣе удачно.

Два молодыхъ пианиста г. Вильбушевичъ и г. Ильинъ
играли на два рояля, но игра ихъ не производитъ никакого
впечатлѣнія. Это не болѣе, какъ эффектное ученическое ис-
полненіе, съ которымъ на эстраду выступать преждевременно.
Б. М. Соловьевъ.

* *

Это былъ на рѣдкость интересный спектакль... Небольшой,
но очень уютный и хорошенькій залъ Павловой былъ бук-
вально переполненъ публикой... И старенькіе-престаренькіе
литераторы и безусый гимназистъ, и важный генералъ въ
орденахъ, студентъ въ потертой тужуркѣ, «лохматый» худож-
никъ, «дама-писательница» съ лицомъ, подобнымъ высокой
смоковницѣ — все это перемѣшалось, перепуталось, слилось
«во-едино» и слушало пьесу съ тѣмъ исключительнымъ вни-
маніемъ и одушевленіемъ, которая такъ рѣдки въ наши дни.

Виною этого одушевленія, этого облагораживающаго подѣ-
ла чувствъ былъ старичекъ Эврипилъ, трагедію котораго
«Ифигенія — жертва» выбралъ кружокъ любителей художе-
ственного чтенія для спектакля состоявшагося 16 марта. Въ
продолженіи двухъ часовъ передъ зрителями развертыва-
лась чудная панорама, показавшая всѣ лучшіе звѣзды древняго
міра, все его необыкновенно-благородное міросозерцаніе, его
вѣру и его мощную силу, нравственную и физическую. Пусть
это только иллюзіи, только обманъ, но это обманъ — «насъ возвы-
шающій» и столь нужный въ наше, бѣдное идеалами, время.

Говорятъ, что древняя трагедія возбуждаетъ въ зрителѣ
чувства ужаса, переходящія часто въ отвращеніе, благодаря
прямолинейности въ поступкахъ древнихъ героевъ. Какой
вздоръ! Развѣ то, что истинно — прекрасно, способно возбу-
ждать отвращеніе?.. «Состраданіе», «сочувствіе» — эти два ры-
чага классической трагедіи — совсѣмъ не тождественны «ужа-
су», тѣмъ болѣе — отвращенію. Они только облагораживаютъ
человѣка и на нѣсколько минутъ отнимаютъ его отъ тѣхъ
будничныхъ, сѣренькихъ заботъ, на которыхъ построена вся
скудная и грустная «борьба за существованіе».

Исполненіе отличалось какимъ то благоговѣніемъ. Стильпо-
хи, общій тонъ пьесы были выдержаны необыкновенно. Въ этомъ
несомнѣнно громадная заслуга режиссера спектакля Ю. Э.
Озаровскаго. Огдѣльные исполнители — г-жи Мусина, Пущка-
рева — Котляревская, гг. Аркадьевъ, Кожевниковъ, Дунаевъ
и др. — заслуживаютъ также полной похвалы за несомнѣнно
продуманное, прочувственное и — мѣстами — необыкновенно

страстное исполнение. Если я и рѣшаюсь сказать про нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣсколько замѣчаній, то только потому, что замѣченные недостатки легко поправить при слѣдующихъ представленіяхъ той же пьесы. Зачѣмъ, напр., г. Аркадьевъ, отдавшій каждую фразу, каждое слово, старался тономъ «простить» Агамемнона? «Опрошеніе» г. Аркадьева производило такое впечатлѣніе, какъ будто онъ говоритъ совершенно на другомъ языкѣ, чѣмъ всѣ остальные дѣйствующие лица. Прекрасный тонъ былъ у г. Кожевникова (Менелай), но у него за то замѣчался другой недостатокъ: жестикуляція его не всегда соответствовала рѣчи. Тоже можно сказать и про г-жу Пущкареву-Котляревскую, вообще, излишне жестикулирующую. Прекрасное впечатлѣніе производила г-жа Музина (Ифигенія), хотя въ послѣдней картинѣ ей не мѣшало бы проявить побольше силы и страсти.

Удивительно красивы и эффектны представительницы хора. Костюмъ ли ихъ красилъ, или же такой выборъ вышелъ удачный—я не знаю. Кстати о костюмахъ: они были съ иголки.

Да и вообще, повторю, спектакль оставилъ прекрасное впечатлѣніе. Г. Озаровскій показалъ, что въ немъ мы имѣемъ недюжиннаго режиссера.

В. А. Н.—ий.

* * *

Только что разрѣшена къ представленію сенсационная пьеса Сарду «Флорія Тоска», въ переводѣ Ф. Н. Латернера. Какъ извѣстно, роль Тоски одна изъ любимыхъ ролей Сары Бернаръ. Эта сценическая и эффектная мелодрама, безъ сомнѣнія, и у насъ обйдетъ многія сцены.

* * *

Г. Латернеромъ приспособлена для русской сцены новая драма Декурселя «А регрётель», подъ заглавіемъ «На вѣчную каторгу!» Главную роль въ Парижѣ исполняла извѣстная артистка Сюзанна Ментъ.

* * *

По случаю годовщины перваго Съѣзда русскихъ дѣятелей въ московскомъ Бюро было совершенно обычное молебствіе. Не только помѣщеніе Бюро, но даже передняя и лѣстница были переполнены сценическими дѣятелями. По желанію присутствующихъ, отправлены были слѣдующія телеграммы:

«Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу. Въ многозначительный день годовщины перваго всероссійскаго съѣзда, русскіе сценическіе дѣятели, собравшись въ Москвѣ на молебствіе, вознесли горячія молитвы за драгоцінное здравіе Вашего Императорскаго Высочества».

«Министру Императорскаго двора. Русскіе сценическіе дѣятели въ день годовщины перваго всероссійскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей, горячо возноси молитвы о драгоцінномъ здравіи Августѣйшаго Покровителя Русскаго Театральнаго Общества Его Императорскаго Величества Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства, почтительнѣйше просятъ ваше высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ возлюбленнаго Монарха ихъ вѣрнооплаченныхъ чувствъ».

Отправлены были также телеграммы бывшему предсѣдатель Русскаго Театральнаго Общества В. С. Кривенко, Совѣту Русскаго Театральнаго Общества и бывшему предсѣдатель перваго сценическаго съѣзда А. А. Потѣхину.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. редакторъ! Покорнѣйше прошу васъ, въ интересахъ правды, напечатать въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, прилагаемое при семъ сообщеніе, которое можетъ служить дополненіемъ коллективнаго письма изъ Вятки, любезно нами принятаго и напечатаннаго въ вашемъ уважаемомъ журналѣ. Предавъ гласности это сообщеніе, вы окажете большую услугу провинціальному театру, артистамъ котораго часто приходится вести тяжелую борьбу за свои попранные права.

Въ 1886 году изданъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, предписывающій административнымъ лицамъ взимать залоги съ антрепренеровъ театра, въ обезпеченіе жалованья артистовъ, такъ какъ послѣдніе доходили до нищенства, — благодаря мошенническимъ продѣлкамъ господъ предпринимателей въ театральномъ дѣлѣ, людей проворныхъ и беззащитныхъ, подвизающихся очень часто невѣдомо откуда и невѣдомо что изъ себя представляющихъ. Но не смотря на существованіе этого циркуляра, актеры мало ограждены отъ хищническихъ аппетитовъ и всевозможныхъ продѣлокъ этихъ господъ и безсильны въ борьбѣ съ ними даже при посредствѣ суда. Примѣромъ этому можетъ служить происшедшее недоразумѣніе въ г. Вяткѣ, въ прошлый зимній сезонъ 1899—1900 года, въ антрепривъ г. Кобзаря-Казанскаго, который отказался платить артистамъ, заслуженное ими жалованье, предоставляя имъ искать его судомъ, — бравируя по-

слѣднимъ обстоятельствомъ, икъ-бы зная напередъ, что и судомъ получить съ него ничего нельзя. Такъ и вышло. Къ 21 января изъ трупы, состоящей изъ 16 человѣкъ, вышло 10. Потерпѣвшіе обратились въ судъ и, внеся залоги въ обезпеченіе иска, получили исполнительные листы на Казанскаго, съ которыми обратились въ кассу театра, продолжавшаго функционировать, не смотря на то, что въ числѣ выбывшихъ было пятеро первыхъ персонажей. Касса театра была передана нотаріальномъ порядкомъ какой-то г-жѣ Каминеръ, оказавшейся артисткой Колосовой. Тогда обратились къ залого въ размѣрѣ 250 р., внесенному антрепренеромъ «Комитету по эксплуатаціи вятскаго концертнаго зала» (театра), предсѣдателемъ котораго состоятъ агенты Русскаго Театральнаго Общества В. А. Шубинъ. Залогъ оказался зачтеннымъ въ арендную плату, хотя до конца сезона оставалось еще болѣе полумѣсяца и были предъявлены иски въ судъ и напечатано въ мѣстной газетѣ коллективное письмо выпедшихъ изъ трупы артистовъ, съ оглашеніемъ причины ихъ ухода, и, не смотря на это, комитетъ не только допустилъ зачетъ залога, но сбавилъ еще арендную плату за театръ, какъ-бы въ поощреніе антрепренера за его доблестный поступокъ! Требованіе по исполнительнымъ листамъ и здѣсь не было удовлетворено. Тогда пришлось обратиться възысканію на процентное отчисленіе, взимаемое со сборовъ въ театрѣ г. вятскимъ полиціймейстеромъ. Но и тутъ полученъ былъ отказъ, слѣдланъ отношеніемъ полиціймейстера къ судебному приставу, въ которомъ говорится, что эти деньги предназначаются на выѣздъ артистовъ изъ города, на случай ихъ, артистовъ, несостоятельности. При личномъ же свиданіи съ г. полиціймейстеромъ, послѣдній категорически заявилъ намъ, что мы, какъ вышедшіе до конца сезона изъ трупы, на процентное отчисленіе никакого права не имѣемъ и ничего не получимъ, а получать только дослужившіе сезонъ артисты—6 человѣкъ, и музыканты—14 человѣкъ!.. Что было дѣлать? Имушества у г. Казанскаго, какъ это почти всегда бываетъ у такихъ господъ, не было никакого, исключая развѣ его шинели на какомъ то неопредѣленномъ мѣху, взятой имъ, всей вѣроятностію, въ долгъ, да цилиндра, купленнаго имъ въ Москвѣ, подъ Сухаревой башней. Ни костюмовъ, ни библиотекъ—ничего не было,—первое время, болѣе мѣсяца играли совершенно безъ грима, потому что не было ни париковъ, ни парикмахера. Въ то же время г. Казанскій выдалъ долговыя обязательства на семьсотъ рублей той же г-жѣ Каминеръ и она, г-жа Каминеръ, получила на эту сумму исполнительные листы и предъявила ихъ на то же процентное отчисленіе. И все это творилось на глазахъ мѣстной администраціи и комитета по эксплуатаціи вятскаго концертнаго зала, гдѣ засѣдаютъ люди, во всякомъ случаѣ, культурные. До конца сезона оставалось нѣсколько дней. Къ услугамъ антрепренера, на случай его исчезновенія, была желѣзная дорога и театральная выручка, хранящаяся у г-жи Каминеръ. Я рѣшилъ телеграфировать г. предсѣдатель Русскаго Театральнаго Общества В. С. Кривенко, прося его принять участіе въ нашемъ, по истинѣ, тяжеломъ положеніи и только благодаря гуманному участію г. предсѣдателя, намъ дѣло быстро приняло совершенно другой оборотъ. 21-го февраля, г. вятскимъ губернаторомъ была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ г. вице-губернатора, для разбора этого темнаго дѣла. Намъ, выбывшихъ до конца сезона, уже признали имѣющими право на дѣлежъ процентнаго отчисленія, но потребовали отъ насъ подписки въ томъ, что мы никакими претензіями къ администраціи и антрепренеру не имѣемъ. Это оригинальное требованіе, способное изумить человѣка, нами, конечно, принято не было. Въ этотъ день коммиссія не пришла ни къ какому результату и отложила засѣданіе на 22-го февраля, когда антрепренеръ Казанскій былъ удаленъ изъ залы засѣданія за неприличное поведеніе и безъ него уже было рѣшено раздѣлить деньги между трупой и оркестромъ въ процентномъ отношеніи недополученнаго жалованья, при чемъ пришлось за рубль 40 копѣекъ. Такъ закончилась дѣятельность антрепренера Кобзаря-Казанскаго въ г. Вяткѣ, если не считать отмороженныхъ и ампутированныхъ ногъ у одного изъ артистовъ его трупы, г. Козлянинова, который, далеко до конца сезона, оставилъ службу и пробираясь пѣшкомъ, въ трескучіе морозы, изъ г. Вятки, отморозилъ себѣ ноги, которыя ему и ампутировали въ больницѣ города Пермь. Человѣкъ остался безъ ногъ, а антрепренеръ слѣлалъ коммерцію! Можетъ быть на будущій сезонъ г. Кобзарю-Казанскому сладутъ театръ. Отчего же и нѣтъ? Вѣдь сдали же ему театръ въ г. Вяткѣ, и не единичное лицо, а цѣлый комитетъ, состоящій изъ людей интеллигентныхъ, которые даже сбавили ему арендную плату за театръ, въ виду его *особенныхъ заслугъ*!.. Когда же наступитъ этому конецъ? Пора.

Членъ Русскаго Театральнаго Общества Степанъ Занозинъ, по театру—Львовъ.

Театральныя замѣтки.

Дредавленіе новой пьесы „Бракъ“, принадлежащей молодому автору П. П. Ярцеву, вызвало оживленные толки въ публикѣ и въ печати. Пьеса г. Ярцева оригинальна по идеѣ, еще болѣе — по настроенію. Въ основѣ пьесы лежитъ мысль, что бракъ есть дѣло разума, а не чувства; дѣло же чувства есть любовь, и что связывать „два эти ремесла“ напрасно находятся такъ много охотниковъ. Я не ручаюсь, что правильно передаю идею автора. Она немного смутна и неясно очерчена. Мнѣ кажется, что г. Ярцевъ больше примыкаетъ къ импрессионистамъ литературы, нежели къ реалистамъ. Онъ что-то чувствуетъ въ жизни, какіе-то такіе неуловимые или полууловимые отгѣнки, которыхъ не видить и не замѣчаетъ такъ называемая реальная психологія. Душа молодого автора находится во власти новыхъ авторовъ: Ибсена, Метерлинка, ихъ символовъ, ихъ исканія новыхъ путей, ихъ попытокъ приподнять завѣсу, скрывающую ту часть души, которую можно назвать „безсознательною“ и которая, тѣмъ не менѣе, участвуетъ въ общемъ ходѣ жизни, какъ и часть доступная наблюденію и внѣшней провѣркѣ. Художественныя стремленія такъ называемыхъ декадентовъ, собственно говоря, къ этому и сводятся, и мнѣ думается, многое бы уяснилось въ произведеніяхъ Верлена, Бодлера, Ибсена и др., если бы была сдѣлана попытка сблизить ихъ художественную правду съ общепризнаннымъ философскимъ положеніемъ, что кромѣ мотивовъ, цѣль и взаимоотношеніе которыхъ выступаютъ наружу — дѣйствія людей обусловлены также мотивами, которыхъ происхожденіе и связь недоступны наблюденію и опыту.

Если опредѣленно извѣстно, что А., положимъ, женился, потому что онъ любилъ, потому что онъ искалъ приданого, протекціи, потому что на него насѣли, потому что онъ этого хотѣлъ, — то весьма возможно, что А. женился, также по множеству другихъ причинъ, о которыхъ ни окружающіе, ни онъ самъ не догадываются, но которыя, тѣмъ не менѣе, гнѣздятся въ душѣ его. Если по Шопенгауэру теорія любви есть теорія взаимно дополняющихъ другъ друга контрастовъ, то вѣдь это основаніе совершенно упускается изъ виду и тѣми, кто любятъ

«БРАКЪ».

Приклонскій (г. Тинскій). Рис. С. Панова.

такими, которыхъ мы еще не знаемъ, но лишь объ нихъ догадываемся. Только наиболѣе тонкіе умы чувствуютъ какую-то правду въ этомъ творчествѣ. Большинство же, живущее реальными, т. е. повседневнѣйшими представленіями о вещахъ, видить во всемъ этомъ фантазмагорію. Выстрѣлъ въ „Дядѣ Ванѣ“, на примѣръ, показался нелогичною и несообразною неожиданностью членамъ литературно-театрального комитета. Онъ недостаточен, по мнѣнію ихъ, подготовленъ. Нѣтъ наростанія страсти, нѣтъ соответствія между причиною и слѣдствіемъ. Но на душѣ „Дяди Вани“ накопѣло, тамъ давно бродили безсознательныя страсти, которыхъ никто не видѣлъ, но которыя г. Чеховъ далъ почувствовать мастерской картиною застоявшейся, но въ глубинѣ кипящей, жизни. Да,

«БРАКЪ».

Булатовъ (г. Бравичъ). Рис. С. Панова.

другъ друга, и тѣми, кто окружаетъ ихъ. Допустите, что теорія вѣрна, — и предъ вами цѣлое поле безсознательныхъ мотивовъ, которые и суть дѣйствующіе мотивы, тогда какъ мы принимаемъ за нихъ склонность, красоту лица и фигуры, симпатію натуръ и пр. Вотъ одинъ изъ примѣровъ того, что можно считать задачей символистства и такъ называемыхъ декадентовъ. Реальная психологія говоритъ: „я доказываю“. Психологія декадентовъ утверждаетъ: я предполагаю, я стараюсь освѣтить, я стараюсь обнаружить. Вотъ почему психологія Ибсена, Метерлинка, Гаутмана, Бодлера, Поэ, Верлена и пр. — всегда смутна. Она не можетъ быть иной, потому что она имѣетъ дѣло не съ мотивами человѣческихъ дѣйствій, свойства которыхъ всѣми изучены и ясно всѣмъ представляются, а съ

такими, которыхъ мы еще не знаемъ, но лишь объ нихъ догадываемся. Только наиболѣе тонкіе умы чувствуютъ какую-то правду въ этомъ творчествѣ. Большинство же, живущее реальными, т. е. повседневнѣйшими представленіями о вещахъ, видить во всемъ этомъ фантазмагорію. Выстрѣлъ въ „Дядѣ Ванѣ“, на примѣръ, показался нелогичною и несообразною неожиданностью членамъ литературно-театрального комитета. Онъ недостаточен, по мнѣнію ихъ, подготовленъ. Нѣтъ наростанія страсти, нѣтъ соответствія между причиною и слѣдствіемъ. Но на душѣ „Дяди Вани“ накопѣло, тамъ давно бродили безсознательныя страсти, которыхъ никто не видѣлъ, но которыя г. Чеховъ далъ почувствовать мастерской картиною застоявшейся, но въ глубинѣ кипящей, жизни. Да, все это смутно, въ болѣе или меньшей степени. Какъ вы хотите, чтобы новая истина, новое мировоззрѣніе, новое откровеніе родились вдругъ, внезапно, изъ морской пѣны, въ законченной полнотѣ пластическаго совершенства! Это невозможно, и быть можетъ, ждетъ еще своего генія, который, наконецъ, съ полною доказательностью откроетъ намъ міръ этихъ новыхъ чувствъ, новыхъ силъ, новыхъ отношеній, пока лишь мерцающій неясной звѣздой. Но достаточно и того, что мы уже чувствуемъ присутствіе этого міра, какъ знаемъ теперь, что есть гипнотизмъ, котораго не знали раньше.

Вотъ почему, неясность основной идеи г. Ярцева всего менѣе смущаетъ меня. Все же въ его пьесѣ есть что-то по своему взятое, освѣщенное, обнажены какіе-то „углы души“, которыхъ какъ будто раньше совсѣмъ и не было, и

задѣто какое-то больное мѣсто, которое мы считали совершенно здоровымъ.

Содержаніе пьесы г. Ярцева, съ которой я надѣюсь въ скоромъ времени познакомиться нашихъ читателей, передать довольно трудно. Это—страстная проповѣдь противъ брака, приносящаго несчастье. Двѣ сестры, Нина и Лена, разное отнеслись къ браку. Это новая формация барышень. Онѣ воспитаны на книгахъ Прево и Жипа, Лена, къ тому же—на цѣлой декадентской библіотекѣ. Даже стихи г. Бальмонта появляются здѣсь. Инстинкты, раздоренные и разогрѣтые чувственностью и чувствительностью нервной литературы, принимаютъ у нихъ разныя формы. Нина, какъ Наташа изъ „Войны и мира“, сразу перерождается въ бракъ, и находится въ немъ полное удовлетвореніе. Лена—изъ породы мятущихся натуръ. „Красота“, „туманъ“ и вообще, экстазы—такова сфера ея чувствъ. Это что-то à la Гедда Габлеръ, но безъ ея вызывающаго, мучительнаго характера. Скорѣе сама—красивая жертва „тумана“.

На Нинѣ женится учитель гимназій, Приклонскій. Онъ женится не потому, что любитъ, не потому, что ему нужно жениться. Это—случается какъ-то само собою, больше по рутинѣ. По мысли автора, браки, въ большинствѣ случаевъ,—результатъ рутинны, а не созрѣвшаго разумнаго чувства. Проходитъ годъ, и Приклонскій уже изнемогаетъ отъ супружескаго счастья. Это—нейрастеникъ, человѣкъ больной, издерганный. Мнѣ въ этомъ видится нѣкоторая ошибка со стороны автора. Катастрофа, приключившаяся съ нейрастеникомъ, лишена типическаго значенія. Онъ чувствуетъ, какъ вмѣстѣ съ осенью, надвигающеюся надъ его дачею, такая же хмурая, безрадостная осень водворяется въ его душѣ. Его литературныя занятія становятся ничтожны и жалки. Уйти-бы, порвать?.. Но у него есть двухмѣсячный ребенокъ—реальный результатъ его брака. Любить-ли онъ ребенка, ненавидѣть-ли? Скорѣе какое-то тупое безразличіе... Но когда всюду онъ видитъ живую, бодрую, стремящуюся жизнь: любовь, красивую, сверкающую, ищущую, и рядомъ эта сырая, безнадежная, томительная осень,—онъ доходитъ до полнаго отчаянія, и ребенокъ виситъ на его душѣ свинцовой гирей. Если-бы не онъ!.. Онъ боленъ, и лежитъ воть тутъ за окномъ. Для него страшна всякая простуда. Дрожащею рукою открываетъ огонь окно и стремится взоромъ въ глубь освѣщенной комнаты. Холодный вѣтеръ шевелитъ занавѣски. „Что вы дѣлаете, баринъ?“ испуганно кричитъ горничная. Но онъ ничего не понимаетъ: онъ опускается на землю и бессмысленно шаритъ. Онъ ищетъ въ темнотѣ, что потерялъ при свѣтѣ дня. Найдеть-ли? А въ осенній холодъ брака врывается золотой лучъ свободаго чувства: Лена, въ объятіяхъ давно влюбленнаго и преслѣдующаго ее Сазопова, исчезаетъ въ темнотѣ, оставляя какъ бы мерцающій слѣдъ своимъ свѣтымъ платьемъ.

Не знаю, совсѣмъ такъ-ли я передаю мысли автора. Мысли-ли это или только настроенія? Во всякомъ случаѣ, я не раздѣляю криковъ возмущенія, которыми сопровождалось это открытое окно. Приклонскій не убиваетъ ребенка. Онъ и не покушается убить его. По этому поводу мнѣ припоминается теорія Шопенгауэра о свободѣ воли, на основаніи которой различаются двоякаго рода волевые акты: *хотѣнье*, которое превращается въ дѣйствіе и *желаніе хотѣнья*, которое вѣскольکو не влечетъ за собою осуществленія волевого акта. Приклонскій только желаетъ хотѣть смерти ребенка. Это—скверное чувство, но если мы пороемся въ нашей душѣ, мы найдемъ много такихъ мимолетныхъ, дрянныхъ дви-

женій, которымъ наши добрыя чувства никогда не дадутъ осуществиться, но которыя мелькаютъ, какъ дьявольскіе, дразнящіе огоньки во тьмѣ вашего духа. Въ минуты удрученія, скорби, „когда все доброе ложится и все недоброе встаетъ“, такія желанія являются какъ бы искушеніями злого демона, и человѣкъ ловитъ себя на нихъ, какъ на предельномъ, подломъ чувствѣ, и часто совершаетъ какъ разъ обратное тому, что шепталъ „онъ“—„чортъ“... Да, это чортъ, который съ такимъ мастерствомъ изображенъ въ бесѣдѣ съ Инаномъ Карамазовымъ. Четвертый актъ—самый смутный, самый непонятный у г. Ярцева. Много помѣшали ясности разныя, очевидно, „независящія обстоятельства“, но главная причина—смутность фантазіи автора. Ребенокъ умираетъ. Приклонскій уходитъ, Лена, испытавъ паденіе, выходитъ по разуму за другого, кого она раньше любила. Я говорю о фантазіи, а не объ идеяхъ, ибо считаю совершенно неправильнымъ слово „идея“ въ примѣненіи къ лихорадочнымъ произведеніямъ современной музы, вообще. Идея Чехова, или д'Анунціо, или Ибсена, или Гауптмана? Тутъ столько же идей, сколько точекъ зрѣнія. Эти произведенія созданы и продиктованы не идеями, въ томъ тѣсномъ, разсудочномъ значеніи, какое обыкновенно придается понятію, но чувствомъ,—вѣрнѣе, идеями-чувствами, по терминологіи Спенсера.

Идея-чувство, сливающее во единю работу фантазіи, художественнаго творчества и анализъ мысли—такое основаніе факторъ искусства. Въ г. Ярцевѣ чувство побиваетъ идею, мѣстами,—наоборотъ, идея побиваетъ чувство. Укажу для примѣра на малевкаго мальчика-нищенку, котораго съ улицы зовутъ въ барскій домъ, гдѣ сейчасъ сладилась свадьба. Онъ превосходитъ, этотъ маленькій мальчикъ, на фонѣ сытой, буржуазно-благополучной, довольной, радующейся жизни. У него „мамка“ больна, а тятка въ кабакѣ. „Это—формула!“ восклицаетъ докторъ, резонеръ пьесы. Но въ третьемъ актѣ мы видимъ того же мальчика, въ чистенькой рубашенкѣ. Онъ похорошѣлъ и разцвѣлъ. Мамка померла, и тятка теперь бросилъ пить, страстно отдавшись работѣ. Тамъ, въ первомъ актѣ это была художественная черта, подсказанная „чувствомъ“. Здѣсь—это тенденціозная подробность, продиктованная „идеей“.

Въ цѣломъ, пьеса г. Ярцева подкупаетъ какъ-то страстностью, гордымъ возстаніемъ личности. Тутъ много неяснаго и темнаго, но чувствуется дыханіе таланта. Талантъ, по справедливому замѣчанію Тургенева,—это подробности. И такихъ подробностей въ пьесѣ г. Ярцева много. Какая прелесть, напримѣръ, маленькая барышня, Лиза Веберъ! Она не участвуетъ, собственно говоря, въ интригѣ. Она—частица фона. Выраженія у нея односложныя, мозги, предположительно, куриные, но и ее подмываетъ инстинктъ любви, и ее охватываетъ бессознательный протестъ противъ современнаго брака. „Ахъ ну что!“ восклицаетъ она, „однимъ словомъ“ и т. д. Но и въ этой убогой фразеологіи слышится голосъ протестующей природы.

Пьеса г. Ярцева—любопытна, какъ отголосокъ нищества въ русской художественной литературѣ. Формулировать точно, что хотѣлъ сказать г. Ярцевъ,—я не берусь. Но я очень хорошо вижу, что въ немъ бродитъ, какъ бессознательная сила, поклоненіе „солнцу“, „природѣ“. „Туманъ“—это то, что мы называемъ требованіями нравственности и гражданскаго быта. „Солнце“—это то, что ясно, просто, понятно. Люди, привыкшіе жить въ непосредственными чувствами и понятіями, но ихъ отраженіями, дошедшіе до нейрастенія, какъ до нормальнаго состоянія, разучившіеся слушать себя, дѣлать по своему, жить

какъ нравятся,—наконецъ, устали. Они чрезвычайно много принесли въ жертву обществу и другимъ. Они хотятъ немножко для себя.

Впрочемъ, не все ли равно, какъ это называется, декадентствомъ, вищпеанствомъ, символизмомъ? Пьеса г. Ярцева искренняя, во-первыхъ, и талантливая, во-вторыхъ. Это—самое главное. Успѣху-же пьесы помѣшало больше всего отсутствіе рутины, того „тумана“, которому г. Ярцевъ такъ явно предпочитаетъ солнце. Солнце, однако, безъ окружающей сферы немилосердно рѣзало бы наши глаза. Золото безъ лигатуры не поддается ковкѣ. Эгоистическія чувства, безъ общественныхъ и альтруистическихъ, приводятъ къ одичавію. И въ искусствѣ—тоже: нужна доля ремесла. Но ремеслу, будемъ надеяться, г. Ярцевъ очень скоро выучится. А пока привѣтствуемъ въ его лицѣ то, чему выучиться невозможно,—молодое, свѣжее дарованіе... А. К—ель.

ПЛАСУНЬЯ.

Повѣсть.

(Продолженіе *).

Весь этотъ пришлый народъ размѣстился по ближайшимъ отъ сада улицамъ, занявъ углы, комнаты, квартиры. Послѣдвія, впрочемъ, были доступны такимъ артисткамъ, какъ Аплике и Бовари. Аплике привезла съ собою цѣлую лабораторію косметиковъ и проводила по вѣсколко часовъ передъ зеркаломъ; Бовари тоже не оставалась въ долгу: она подтушевывала вѣки, подрумянивала лицо, подбѣливала кожу и сооружала кое-что по части выгиба талии. Талантъ Аплике весь заключался въ ея когда-то звучномъ и пріятномъ голосѣ; талантъ Бовари обнаруживался не столько въ ея голосѣ (онъ былъ довольно слабъ и недостаточно музыкалевы), сколько въ умѣнѣ потрясать торсомъ и въ шикѣ, съ которымъ она подбрасывала бедрами.

Цыпкинь-Щепотьевъ, который пять лѣтъ тому назадъ готовился въ оперу и пѣлъ партію квязя въ „Русалкѣ“, уже репетировалъ мотивчики съ Аплике въ ея квартирѣ подъ взятое на прокатъ піанино и со второго же дня вкусилъ блаженства ласкового обращенія. Расположеніемъ же m-lle Бовари воспользовался Петропавловъ, который знавалъ ее еще въ то блаженное время, когда она за приглашеніе поужинать брала по сто рублей. Комикъ Курослѣповъ примазался къ „чирнобровій“ хохлушечкѣ изъ малороссійскаго хора и поселился съ нею въ одной комнатѣ, а вскорѣ отношенія всѣхъ до такой степени перепутались, что тотъ же Курослѣповъ сталъ называть въ шутку всю труппу „братьями по крови“. Пилъ больше всѣхъ рассказчикъ,—Горбуновъ второй—хорошо извѣстный публикѣ по „Эрмитажу“. Онъ съ самаго утра забирался въ буфетъ и „принимался за дѣло“, какъ шутилъ онъ надъ своимъ „настоинчимъ призваніемъ“. Буфету дано было распоряженіе сокращать мало-по-малу отпускаемое ему количество водки, такъ какъ антрепріза побаивалась, что къ открытію сезона рассказчикъ можетъ заболѣть „бѣлою горячкою“.

Ремонтъ театра приходилъ уже къ концу и Петропавловъ оповѣщалъ повѣстками о предстоящей такого-то числа первой репетиціи. Ова была необходима передъ составленіемъ афиши: каждый изъ артистовъ долженъ былъ блеснуть передъ публикою лучшимъ номеромъ. Аплике остановилась на

„Прекрасной Галатеѣ“, Цыпкинь-Щепотьевъ ставилъ для себя актъ изъ „Периколы“, Курослѣповъ канкавъ изъ „Мушкатеровъ“, Бовари готовилась обнажить все свое туловище до пояса и пропѣть двѣ забирательныя пансонетя, рассказчикъ отвѣчалъ на предложеніе Петропавлова, что у него ничего еще новаго не готово, но что онъ, подъ вліяніемъ „буфетнаго куража“ будетъ импровизировать все старое на новый ладъ. Въ антрактахъ, на открытой сценѣ рѣшено было начать прямо съ борцовъ и потомъ чередовать вечера „дрессированными собаками“ амереканца Бебе и клоуномъ со свивьями и птицами. Само собою, что и Таня получила повѣстку о первой репетиціи, въ которой ей предлагалось выбрать одинъ или два изъ своихъ лучшихъ номеровъ. Алексѣевъ остановился на „pas de deux“ и на „Венгеркѣ“ и, конечно, рѣшилъ идти съ нею самъ на репетицію. Костюмъ ей дирекція дѣлала на свой счетъ, по указаніямъ Петропавлова.

Таня была на седьмомъ небѣ, когда получила повѣстку на первую репетицію. Воздухъ кулисъ, звонкій ей въ дѣтствѣ, уже пламенилъ ея воображеніе. Сотни лицъ проносились въ ея воспоминаніяхъ и ей почему-то казалось, что она встрѣтитъ на сценѣ именно такихъ, какихъ она знала и видѣла въ дѣтствѣ. А сцена, а оркестръ, который поднималъ и встраивалъ торжественно душу, а декорация, освѣщенныя маленькими лампочками, а суета режиссера и театральной прислуги... Отъ восторга, когда получила повѣстка, она разцѣловала не только Алексѣева и Савельеву, но чмокнула въ лобъ даже одного изъ вихрастыхъ учениковъ, попавшагося ей на порогѣ.

„Артистка“, — думалъ о ней Алексѣевъ, снисходительно улыбаясь на ея восторгъ, а на сердцѣ скребли у него кошки.

XI.

Не станемъ описывать первой репетиціи, на которой Таня познакомилась со всѣми персонажами труппы. Репетиція была, какъ всѣ первыя репетиціи, на которыхъ поютъ и играютъ, не спѣвши и не сыгравши; расхаживаютъ по сценѣ, какъ попало и гдѣ попало, стоятъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ стоять, и сидятъ, когда сидѣть не полагается. Скажемъ только, что вся труппа отвесилась къ уличной пласунѣ свысока. Алексѣевъ, совершенно отвыкшій отъ общества и подавленный обстановкою ненавистныхъ ему кулисъ, весь ушелъ въ самого себя и, спрятавшись за аляповато изображеннымъ деревомъ боковой кулисы, смотрѣлъ на все, что происходило на сценѣ, унылыми глазами. А Таня вся жила. Она жадными глазами ловила движеніе каждаго артиста, вслушивалась съ восторженнымъ выраженіемъ лица въ пѣніе Аплике и въ речитативъ Бовари, которая никогда на репетиціяхъ не тратила голосовыхъ средствъ и не показывала всѣхъ своихъ движеній. Не станемъ описывать второй репетиціи, на которой Таня была встрѣчена всѣми персонажами, какъ знакомая, и была удостоена разговоромъ Аплике и Бовари. Перейдемъ прямо къ первому спектаклю. Состоялся онъ при весьма благопріятной погодѣ. Знойный день смѣнился тихимъ, ласкающимъ вечеромъ. Темно-синее звѣздное небо повисло надъ городомъ и столѣтнія деревья общественнаго сада безмолвно глядѣли въ небо своими кудрявыми вершинами. На протянувшихся по всѣмъ аллеямъ проволокахъ повисли разноцвѣтные фонарики, театр-сарай иллюминированъ былъ лампочками, занавѣсъ fin de siècle пестрѣлъ обиліемъ рекламъ. Огромная афиша приглашала пожаловать почтеннѣйшую публику на „опе-

*) См. № 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11.

ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА ГЕЙНЦЕ.

Смѣхъ группы Лаокоона надъ закономъ Гейнце.
«Lust. Blätter».

ретку въ одномъ дѣйствіи „Прекрасная Галатея“ — съ Аплике въ заглавной роли, на разнохарактерный дивертисментъ съ пѣніемъ, пляской, рассказчикомъ изъ народнаго быта, съ бѣлетомъ и въ заключеніе публика угощалась блестящимъ бриллиантовымъ фейерверкомъ.

Алексѣевъ съ своею шарманкою сидѣлъ уже въ тирѣ за парусиновою стѣною, совершенно скрытый отъ взоровъ публики; за миниатюрнымъ прилавкомъ для сбора пятаконъ торчала набѣленная и нарумяненная дама; возлѣ круглыхъ, разставленныхъ въ саду столиковъ для публики суетились лакеи, а у вратъ сада съ кассовою будкою, гдѣ продавались билеты, стояли два городовыхъ и приставъ. Ожидая пріѣздъ губернатора.

За кулисами шла обычная предспектакльная суета. Сдвигали и выдвигали декорации, тянули какіе-то канаты, кричали, ругались, бѣгали по сценѣ, кого-то звали, кому-то кричали „чортъ“, и все спѣшили сдѣлать все къ опредѣленному часу. Исполнители размѣстились по уборнымъ. Madame Аплике сидѣла въ своей отдѣльной (самой лучшей) уборной и наводила на свое круглое, полное лицо чуть-ли не десятый слой пудры. М-лле Бовари подтушевала себя вѣки и подбавляла искусственныхъ волосъ къ своимъ порѣдѣвшимъ косамъ; въ общей уборной подрумянивались и одѣвались въ національные костюмы пѣвички „русскаго хора“, тутъ же убирали себя и „чирнобровыя“ хохлушки, а рядомъ съ ними въ четвертой крошечной уборной одѣвалась Таня. Ей только что было принесено сооруженное розовое трико, корсажъ и юбка вѣеромъ для *pas de deux*. На ноги рѣшено было надѣть сандалии; прическою долженъ былъ заняться театральны парикмахеръ, который въ обыкновенное, не сезонное время брилъ въ своей парикмахерской усы и бороды, да дергалъ зубы щипцами, похожими на Архимедовъ рычагъ, „простому народу“, стопчеськи выносившему эту операцію. У мужчинъ отдѣльныхъ уборныхъ не было; всѣ толпились въ одной общей, такой же просторной, какъ и у пѣвичекъ, комнатѣ съ досчатыми стѣнами, съ невыкрашеннымъ поломъ и попорченнымъ умывальникомъ. Въ оркестръ размѣщалась „музыка“, состоящая изъ пятнадцати

виртуозовъ на струнныхъ инструментахъ, кромѣ военнаго оркестра, приглашеннаго играть для открытой сцены, гдѣ также шли приготовленія для дрессированныхъ собакъ. Борцовъ рѣшено было „дать публикѣ“ въ слѣдующій спектакль, а клоуна Дурова второго выпустить на третье представленіе.

Козыревъ за полчаса до поднятія занавѣса прошелъ по всѣмъ уборнымъ и хозяйскимъ окомамъ оглядѣлъ костюмы.

На Бовари онъ посмотрѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ и крѣпко уцепилъ ее за плечо. Ея „откровеніе“ ему понравилось. „Не стѣсняетесь?“ махнулъ онъ своими глазами на ея грудь — „такъ и слѣдуетъ; наша публика любитъ откровенность“. Таню взялъ за подбородокъ и прозянесь: „а ну-ка покажи свои глазенки. У-у дьяволы! Такъ и прыгаютъ“.

За кулисами ему подвернулся рассказчикъ.

— Спиридонъ Матвѣвичъ, проговорилъ рассказчикъ: — мнѣ въ буфетѣ водки не даютъ...

— Такъ что же?

— На васъ ссылаются... Говорятъ — „распоряженіе“... „Помилуйте! въ горлѣ пересохло... Голоса нѣтъ... Импровизація требуетъ... Ну, да вы повигаете... Безъ этого я не выйду...

— А не выйдешь, проваливай къ чорту. Безъ тебя обойдемся, плакать не станемъ.

— Позвольте, Спиридонъ Матвѣвичъ, сразу спалъ съ тона рассказчикъ: — я не къ тому-съ... Я сожалею... глубоко сожалею, что вы такъ понимаете мою слабость...

— Да какъ же тебя понимать, ежели у тебя носъ красный?

— Для этого пудра существуетъ-съ...

— Я своего распорядка мнѣнъ для тебя не намѣренъ. Сказано, — и кончено.

Козыревъ повернулъ къ рассказчику свою широкую спину и обратился къ суетившемуся на сценѣ Петропавлову.

— Аплике готова? спросилъ онъ Петропавлова: — узнать надо. Ежели не готова, то скажи чтобъ не очень-то валандалась...

Но Аплике была готова и взбиралась уже на подставку, долженствующую изображать пьедесталъ статуи, скрытую за драпировкою.

— Похастайте что-нибудь похрѣпче, командовала она своимъ гортаннымъ голосомъ: — развѣ можно стоять на этихъ цепкахъ, онѣ трещать уже...

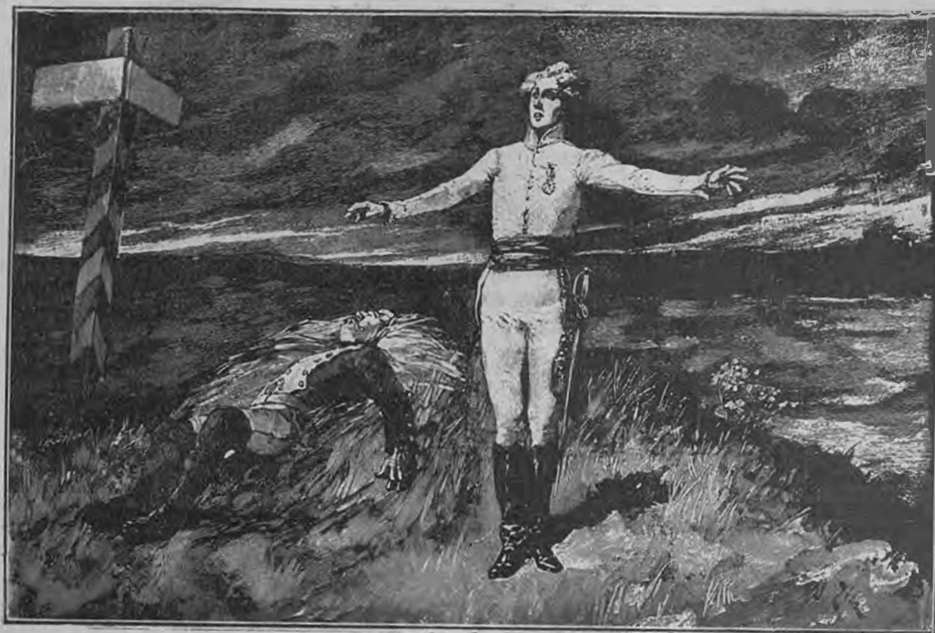
Козыревъ подошелъ къ Аплике.

ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА ГЕЙНЦЕ.

Балетъ подъ наблюденіемъ полиціи. «Lust. Blätter».

«ОРЛЕНОКЪ». Новая пьеса Ростана

Герцогъ Рейхstadtскій на полѣ Ваграма у трупа стараго гренадера.

— А вы тутъ уже? Ладно. Чего вы раскудахтались?

— Помилуйте! повторила она свою претензію: — какой же это пьедесталь... Поставили сломанный ящикъ...

Козыревъ махнулъ рукой Петропавлову.

— Что же это ты... за чѣмъ глядишь? строго обратился онъ къ распорядителю: — Этакую жирную бабу, да на сломанный сундукъ ставишь? Вѣдь она его въ одну минуту проломить.

— Кирпичей можно подложить, поправился Петропавловъ и шепнулъ на ухо Козыреву: — она очень капризничаетъ, Спиридонъ Матвѣевичъ: ничѣмъ не угодишь. Въ уборную другой коверъ потребовала и большое зеркало: я, говорить, привыкла передъ выходомъ всю себя провѣрять.

— Ну, чортъ съ нею, удовлетвори.

Заглянулъ Козыревъ и въ общую уборную „русскаго хора“. При появленіи хозяина хоръ принялъ почтительныя позы и вытянулся во фронтъ.

— Кто постарѣе на задній планъ становитесь, сказалъ онъ пѣвчихамъ: — на первомъ планѣ пущай станутъ тѣ, которыя помоложе, да подвѣстятъ.

Пѣвички отвѣтили всѣмъ хоромъ, что „они хорошо знаютъ порядокъ“.

Въ уборную мужинѣ Козыревъ не пошелъ. „Эта статья“ мало его интересовала.

Садъ уже наполнился публикою. Раздававшійся за садомъ грохотъ экипажей пріятно ласкалъ слухъ Козырева, а бойко торговавшая касса была для него самымъ пріятнымъ зрѣлищемъ. Въ центрѣ сада на круглой площадкѣ передъ открытою

сценою гремѣлъ уже военный оркестръ, театральныи капельдинеръ отбиралъ билеты отъ посѣтителей театра, размѣщавшихся въ креслахъ, ложахъ, стульяхъ и на скамьяхъ. Въ первыхъ рядахъ, кромѣ официальныхъ лицъ мѣстной администраціи, разсѣлся — Рязанцевъ и Мухрычевъ. Среди публики постоянно раздавались одобрительные отзывы находчивому антрепренеру: „молодецъ! угадалъ настроеніе: настоящихъ французенокъ преподносить! А садъ какъ онъ мило иллюминировалъ! А эти группы столиковъ! Молодецъ!“

М. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

9-го февраля состоялось въ Берлинѣ первое представленіе

такъ долго ожидаемой въ музыкальныхъ сферахъ оперы Арнольда Мендельсона «Человѣкъ въ медвѣжьей шкурѣ», — идея которой сходна съ сюжетомъ оперы того же названія Зигфрида Вагнера. Содержаніе ея слѣдующее: слуга Руппертъ любитъ дочь Анну богатаго содержателя гостиницы Фрислера. Отвергнутый отцомъ Руппертъ прелается на голъ дьяволу, который обѣщаетъ ему всевозможныя блага. Послѣ долгихъ испытаній и мытарствъ въ землѣ и надъ землей влюбленная парочка благополучно соединяется. Опера имѣла выдающійся успѣхъ.

А. Мендельсонъ родился въ 1855 г. въ Ратиборѣ и происходитъ изъ музыкальной семьи Мендельсонъ-Бартольди. Юристъ по образованію онъ съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя музыкѣ. Въ 1894 г. была впервые поставлена въ Кельнѣ его опера «Эльза». Кромѣ того, онъ составилъ себѣ громкое имя, какъ композиторъ пѣсенъ, хоровыхъ и оркестровыхъ партій. Специфическая область творчества Мендельсона — лирика.

«ОРЛЕНОКЪ». Новая пьеса Ростана.

Смерть герцога Рейхstadtскаго. Ему читаютъ документъ, доказывающій, что онъ сынъ Наполеона.

Въ Лондонѣ недавно сгорѣлъ до тла одинъ изъ самыхъ лучшихъ театровъ, именно. «Большой театр» въ Инслигтонѣ. Это уже третій театръ горитъ на этомъ мѣстѣ. Въ сентябрѣ 1882 года тамъ сгорѣлъ старый филармоническій залъ; на его мѣстѣ выстроили новый красивый театръ. 29 сентября 1887 года этотъ театръ былъ также уничтоженъ пожаромъ, послѣ чего было построено третье зданіе на это мѣстѣ. Въ вечеръ пожара, въ театрѣ ставили сенсационную драму «Hearts are Trumps», и къ этому представленію почти всѣ декорации были написаны заново. Во второй картинѣ четвертаго акта дѣйствіе происходитъ въ Швейцаріи и на сценѣ изображается паденіе лавины. Снѣгъ и ледъ, конечно, слѣданы изъ бумаги, и лавина заранее была приготовлена и держалась въ воздухѣ до того момента, когда она должна обрушиться въ долину. Вотъ эта-то лавина и, вообще, огромное количество бумаги и ваты, находившейся на сценѣ и за кулисами, и было причиной необыкновенно быстрого распространения огня. Нѣсколько крановъ отъ газовыхъ рожковъ не были заперты втеченіи всей ночи съ субботы на воскресенье и всего воскресенья (въ воскресенье представленіе не было), такъ что, когда передъ спектаклемъ рабочіе захотѣли зажечь газъ, произошелъ страшный взрывъ, прежде всего, загорѣлась бумага, огонь распространился съ ужасающей быстротой, и черезъ нѣсколько минутъ вся сцена была обята пламенемъ. Потери, причиненныя этимъ пожаромъ, громадны.

Въ Бари состоялось недавно представленіе новой трехактной оперы композитора Ла Ротелла «Иванъ». Либретто написано на сюжетъ изъ русской жизни, время освобожденія крестьянъ.

Во время представленія оперы «Лизенгринъ» въ Утрехтѣ произошелъ слѣдующій случай. Бутафоръ забылъ приготовить кушетку для послѣдняго дѣйствія и пискорю покрылъ коврами нѣсколько старыхъ ящиковъ. На это импровизированное ложе и опустились Лизенгринъ и Эльза, но въ самый разгаръ любовнаго дуэта въ залъ вдругъ начался гомерическій хохотъ. Оказалось, что влюбленные завернули уголокъ одного изъ кофровъ и открыли на стѣнкѣ ящика надпись «Осторожно! Предостерегаютъ отъ паденія!»

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТИФЛИСЪ. Конецъ сезона прошелъ въ бенефисахъ. Если принять во вниманіе, что бенефисы, за немногими исключеніями номинальные, то дирекція отъ такихъ унащенныхъ бенефисныхъ спектаклей ничего не теряетъ, а даже выигрываетъ. Пишу «дирекція» потому, что съ января мѣсяца заголовокъ «антреприза И. Р. Фарина» исчезъ съ афишъ. Ни для кого, впрочемъ, не секретъ, что г. Фарина въ этомъ сезонѣ никакого касанія къ театру не имѣлъ и фамилія его красовалась на афишѣ по какимъ-то таинственнымъ соображеніямъ дирекціи, которая съ самаго начала сезона вела дѣло самостоятельно. Мясодѣлъ, благодаря постановкѣ «Садко» и бенефисамъ, очень оживленъ и если въ началѣ сезона и былъ дефицитъ, помимо субсидій, то къ концу онъ былъ покрытъ.

Изъ состоявшихся бенефисовъ особенно интересными были бенефисы капельмейстеровъ гг. Пагани и Барбини и примадонны труппы г-жи Папаянъ. Г. Пагани старательный, опытный капельмейстеръ. Отсутствіе темперамента, огня — вотъ существенный недостатокъ почтеннаго мастера, недостатокъ, который не всегда искупается блестящей техникой. Въ свой бенефисъ г. Пагани возобновилъ «Снѣгурочку» — одно изъ труднѣйшихъ произведеній Римскаго-Корсакова, и, надо отдать ему справедливость, съ честью справился со своей задачей. Всѣ оркестровые кунштюки композитора выполнены были прекрасно. Нѣсколько спѣшная постановка отразилась на хорѣ, который въ прологѣ обнаружилъ вѣрное знаніе партіи. «Снѣгурочка» шла у насъ впервые въ третьемъ году, съ той же исполнительницей главной партіи г-жей Папаянъ. Артистка даетъ прекрасный, полный поэзіи образъ наивной и холодной «дѣвушки Снѣгурочки». Обстановка довольно эффектна. Въ особенности недурно поставлены второй актъ (палата царя Берендея) и третій съ выросающими изъ-подъ земли лѣсомъ, деревьями, преграждающими путь Мизгирю, и прочими чудесами.

На бенефисъ г-жи Папаянъ билеты были всѣ проданы еще за мѣсяцъ въ кассѣ Location (благотѣльное учрежденіе, гдѣ, приплативъ 20% къ стоимости мѣста, можно получить билетъ на любой спектакль въ сезонѣ). Бенефициантка поставила «Фауста». Вывозомъ и подаркамъ не было конца. Между прочимъ г-жа Папаянъ получила брилліантовую серьгу и кольцо, и цвѣты, цвѣты, цвѣты. Г. Барбини, второй дирижеръ, поставилъ въ свой бенефисъ «Сельскую честь» и двухъ-актную оперу собственнаго сочиненія изъ жизни современныхъ грековъ «Горный Соколъ». Въ этой новой оперѣ очень много слезъ, крови, выстрѣловъ, очень много чужой музыки, и мало

здравому смыслу. Сюжетъ... но сюжетъ самый нелѣпый. Въ первомъ актѣ Горный Соколъ — разбойникъ (г. Борисенко) поетъ безконечную арію надъ супругой своей Ольгой (г-жа Познякова), спящей въ какомъ-то фантастическомъ гротѣ. Потомъ Ольга просыпается, и они вдвоемъ распѣваютъ еще болѣе безконечный дуэтъ. Потомъ г. Борисенко уходитъ и появляется другой разбойникъ Мегасъ (г. Максаковъ), который зачѣмъ-то приводитъ къ Ольгѣ ся престарѣлыхъ родителей (г-жа Кравецъ и г. Горпиновъ). Отцу ее проклинаетъ, Ольга падаетъ въ обморокъ; Мегасъ, очевидно нервнотолкаемый къ Ольгѣ, плѣтуетъ ее и бѣжитъ за полиціей, чтобы переловить исхѣзъ разбойниковъ. Во второмъ актѣ Мегасъ предлагаетъ Ольгѣ бѣжать съ нимъ, иначе грозить, что мужъ си и всѣ разбойники будутъ перебиты. Ольга отказывается и, чтобы спасти Горнаго Сокола, надѣваетъ его красный плащъ, предумотрительно оставленный имъ на сценѣ, и становится на вершину холма. Само собой разумеется, пуля злодѣя Мегаса поражаетъ г-жу Познякову. Въ оркестрѣ начинается не то буря изъ «Севильскаго цирюльника», не то Полтавскій бой изъ «Мазепы», по сценѣ безтолково мечутся разбойники и жандармы, раздаются выстрѣлы, пахнетъ порохомъ. Послѣ этого появляется Горный Соколъ. Овъ, конечно, какъ и подобаетъ герою, одинъ уцѣлѣлъ изъ всѣхъ разбойниковъ. Онъ видитъ мертвую или умирающую Ольгу, и г. Барбини заставляетъ г. Борисенко хохотать дикимъ хохотомъ, что послѣднему совсѣмъ не удается. Затѣмъ Горный Соколъ взбирается на вершину холма, стрѣляется и скатывается внизъ — рискованное гимнастическое упражненіе, которое г. Борисенко проделалъ довольно чисто. Приходитъ отецъ Ольги и еще какіе-то греки: Горный Соколъ умираетъ, но умираетъ такъ долго, что многіе изъ публики уходятъ, не дождавшись его смерти. Вотъ и все. Если прибавить къ этому музыку, надѣрганную изъ разныхъ оперъ, музыку «капельмейстерскую», хотя довольно мелодичную, то нѣкоторое понятіе объ оперѣ будетъ дано. Красивое *intermezzo* передъ вторымъ актомъ, — *intermezzo* въ духѣ Мисанки, было биссировано. Г. Барбини выжидали, артисты ему аплодировали, подносили подарки. Г. Барбини конфузился, раскланивался и принималъ подарки.

Сезонъ закончился традиционнымъ сборнымъ спектаклемъ. Въ общемъ, первый сезонъ прошелъ очень оживленно, а по количеству поставленныхъ оперъ перешагивая всѣ предшествовавшіе. Всего поставлено было 35 оперъ; изъ нихъ новыхъ 4 («Голанта», «Борисъ Годуновъ», «Садко» и «Горный Соколъ»), и возобновленныхъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка — 5. Кромѣ того поставленъ былъ балетъ «Клеопатра». Русскимъ операмъ въ минувшемъ сезонѣ отведено было почетное мѣсто; всего ихъ поставлено 13, и обставлялись онѣ въ вокальномъ отношеніи довольно тщательно, и публикой посѣщались охотнѣе, чѣмъ иностранныя. Изъ пѣвицъ и пѣвцовъ неизмѣннымъ и являлись заслуженнымъ успѣхомъ пользовались г-жа Папаянъ и г. Максаковъ. Пріѣздъ г. Розанова пополнилъ осязательный пробѣлъ въ труппѣ — отсутствіе русскаго драматическаго тенора и облегчилъ трудъ г. Борисенко, который раньше пѣлъ во всѣхъ безъ исключенія русскіхъ и многихъ иностранныхъ операхъ. Пріѣздъ г. Розанова раздѣлилъ нашу публику на двѣ партіи. Тѣ, которые довольствуются красивымъ сильнымъ голосомъ и не требуютъ отъ пѣвца умѣнья воплощать изображаемые имъ типы, передавать настроеніе, стали поклонниками г. Розанова; другіе же остались вѣрны г. Борисенко, простивъ ему отъ души и сдвинувъ голосъ и «подозрительные» върихъ за искренность и задушевность его пѣнія, за правдивые и милые образы Дубровскаго, Ромео, Андрея въ «Мазепѣ» и др. Изъ остальныхъ артистовъ г-жи Кравецъ, Петрова и Никитская и гг. Горпиновъ, Герасименко и отчасти Трубинъ съ успѣхомъ поддерживали ансамбль и каждому изъ нихъ публика воздала должное.

Кончился зимній сезонъ, начинается великопостный. Гастроли двухъ итальянскихъ знаменитостей Изабеллы Звигеръ (колорат. сопрано) и Теодоринды Микуччи (драматич. сопрано) и артистовъ Императорскихъ театровъ гг. Клементьева, Яковлева и Шаляпина. Остальная труппа почти та же, что была зимой. Цѣны увеличены на 20—25%. Гастролеры, за исключеніемъ г-жъ Звигеръ и Микуччи, наши старые знакомые.

Народный театръ закончилъ сезонъ 20 февраля «Недорослемъ». Наканунѣ, въ театрѣ грузинскаго дворянства русская театральная секція устроила общедоступное утро, состоявшееся изъ двухъ концертныхъ отдѣленій и «Сказки о Царѣ Салтанѣ». Благодаря дешевымъ цѣнамъ (отъ 1 р. 80 к. до 5 коп.), публики собралось много, преимущественно дѣтей и учащихся и чистый сборъ, достигшій почти ста рублей, далъ возможность покрыть дефицитъ минувшаго сезона. Въ теченіе зимы въ Авальской аудиторіи устроено было 46 спектаклей, концертовъ и другихъ развлеченій для народа, изъ нихъ 23 на рускомъ языкѣ (11 спектаклей для взрослыхъ, 4 для дѣтей и 8 музыкально-литературныхъ вечеровъ), 15 на грузинскомъ языкѣ и 8 на армянскомъ. Кромѣ того, русскій театальной секціи поставлено 2 спектакля въ театрѣ о-на трезвости (желѣзнодорожныя мастерскія) и одинъ въ кизармахъ 2 го сапернаго баталіона для солдатъ. *Пенсія.*

ВОЛОГДА. Въ № 57 «Вологодскихъ Вѣдомостей» за этотъ годъ, въ pendant къ «самарскому скандалу» съ г. Медвѣдѣвымъ, напечатано:

«Не такъ давно въ одномъ губернскомъ городѣ другой антрепренеръ, вызванный частью публики на сцену, но энергично ошкваченный «всрххми», не смутившись ни мало, произнесъ по адресу «протестантовъ»:

Свистать вы можете всю ночь.

Вы свистите отлично,

Я бъ тоже свистну въ вамъ не прочь,

Но только это... не прилично...

Какъ извѣстно, въ прошедшемъ сезонѣ (см. № 8 «Театръ и Искусство») городской театръ въ Вологдѣ держалъ В. Н. Викторова. Сборы до конца были плохи и дѣло окончилось убыткомъ, до двухъ тысячъ; всего выручено около 1,000 р. Къ чести г. Викторова слѣдуетъ сказать, что артистамъ уплачено все до копѣйки.

На будущій сезонъ театръ сланъ М. И. Судьбинину. Надо думать, что Городская Управа прельстилась обѣщаніемъ держать оперетку и потому предпочла г. Судьбинина другимъ антрепренерамъ, какъ: г-жа Иванова, гг. Витарскій и Дмитріевъ-Вольскій, которые тоже заявляли желаніе взять городской театръ.

Трудно понять, чѣмъ руководствуются городскія управы, отдавая предпочтеніе тѣмъ антрепренерамъ, которые обязуются держать оперетку. Надо удивляться г. Судьбинину: — на что онъ расчитываетъ? Мало-мальскіе сносна оперетка будетъ стоить по меньшей мѣрѣ тысячъ семнадцать, а въ этомъ сезонѣ выручено около одиннадцати. Какъ бы г. Судьбинина не постигла въ Вологдѣ та же участь, что и въ Мариуполѣ.

5-го марта въ городскомъ театрѣ состоялась концертъ, артистовъ частной оперы въ Москвѣ, г-жъ Антоновой (колоратурное сопрано), Черненко (меццо-сопрано), тенора г. Якобсъ и виолончелиста г. Владимірова. Акомпанировалъ г. Буркустъ.

Всѣ артисты имѣли громадный успѣхъ, вызовамъ не было конца и на «bis» исполнено было вдвое больше программъ, которая состояла, главнымъ образомъ, изъ арій русскихъ композиторовъ: Чайковского, Римскаго-Корсакова, Даргомыжскаго, Сброва. Концертъ окончился романсомъ Денца «Когда-бы вы знали все», исполненнымъ В. П. Антоновой съ акомпаниментомъ г. Владимірова виолончели. Дуэтъ этотъ исполненъ былъ прямо великолепно. Публика, послѣ грома рукоплесканій, заставила его повторить, а потомъ вызваны были всѣ участники концерта и имъ сдѣлана самая сердечная овация, въ благодарность за посѣщеніе Вологды.

З. С.

ВЛАДИВНАВЪ. Сезонъ у насъ какъ начался, такъ и кончился прекрасно. Г. Никулинъ лишний разъ доказалъ лъчю въ провинціи приличная, добросовѣстная труппа и умѣлое веденіе дѣла—всѣ. Въ прошломъ сезонѣ въ антрепризѣ г-жи Савиной, благодаря безпорядкамъ, царившимъ на сценѣ, публика не посѣщала театръ, въ этомъ же сезонѣ буквально ломилась и много спектаклей прошло съ аншлагомъ. Нѣсколько словъ о труппѣ въ отдѣльности. Г-жа Шеина (героиня), такъ сказать, столпъ труппы, очень добросовѣстная и работающая артистка. Яблочкина (старуха) даровитая, разнообразная, старая и заслуженная артистка; пользовалась большимъ успѣхомъ. Я не могу указать ни одной роли, которую бы она сыграла слабо. Буткевичъ (ingénue comique) еще молодая (служить 2 года на сценѣ), очень способная, съ огонькомъ, но къ сожалѣнію, мало работающая. Больше всего удаются роли комическія и бытовые характерныя. По моему, артисткѣ разъ на всегда надо забросить роли драматическія, которыя почти всегда проходили неудачно. Волкова, — приличная, но не сильная ingénue на слезливый роли. Ростовцева (пожилая грандъ-дамъ) очень полезная и всегда желательная въ труппѣ артистка. Ей нужно только отрѣшиться отъ пѣвучаго тона. Шадрина 2-я ingénue, играла мало, и потому сказать что либо о ней положительно трудно. Горшенкова (2-я старуха) служила раньше въ опереткѣ и говорятъ, удачно, но появленіе ея на драматической сценѣ нельзя привѣтствовать. По моему мнѣнію, можно сыграть роль плохо, но рассказать ее, провести логично, понятно, толково — должно. Г-жу Горшенкову можно слушать цѣлый часъ, но сказать, о чемъ она говоритъ нельзя. Солнцева и Мичурина 2-я на 3-я роли. Никулинъ — честный, мягкій въ обращеніи со служащими и толковый антрепренеръ и хороший, какъ я уже сказалъ выше, режиссеръ. Почти буквально всѣ спектакли поставлены имъ самимъ. Г. Волковской (комикъ) старый, опытный и талантливый актеръ. Уѣхалъ отъ насъ немного раньше окончанія сезона, такъ какъ получилъ мѣсто управляющаго московскимъ театральнымъ бюро. Въ самое короткое время сумѣлъ заслужить любовь и уваженіе всѣхъ, безъ исключенія, товарищей сценѣ, отъ которыхъ и получилъ прочувствованный адресъ въ свой прочтальный бенефисъ 14-го февраля. Шла пьеса Потапенко «Чужіе». Артистъ прошался съ театромъ и выступилъ въ роли Дыбальцева. Отъ Никулина онъ получилъ подарокъ съ надписью: «П. А. Волховскому отъ его послѣдняго антрепренера». Были еще два адреса отъ публики и отъ

мѣстнаго кружка любителей, которые и были прочтены на сценѣ. Череповъ-Орловскій тоже режиссеръ, но только по названію; не потому, чтобы онъ могъ поставить какую-нибудь пьесу или показать кому-нибудь и что-нибудь, нѣтъ. Этого сказать нельзя, а потому, что онъ хотѣлъ играть хорошія и выигрышныя роли, что онъ и дѣлалъ въ продолженіи всего сезона. Сегодня, на примѣръ, играетъ любовника, завтра комика, потомъ простака и т. д. Это было слабой стороной дѣла, вообще хорошо поставленнаго, за что упрекъ всецѣло ложится на г. Никулина. Какъ актеръ, г. Череповъ не лишенъ способностей и дарованія, но у него проявлялось все это въ грубоватой формѣ, да и ролей не училъ. Марковъ игралъ роли драмат. режиссера. Соколовскій и Шалковскій простаки не безъ способностей. Андреевъ совсѣмъ еще неопытный актеръ, но игралъ много. Актеръ пока «будущаго», изъ котораго выйдеть ли толкъ — сказать преждевременно. Есть наклонность къ искусству. Дмитріевъ и Кудрявцевъ 2-е комики — весьма полезные актеры, причѣмъ первому надо отрѣшиться отъ его манеры постоянно трясти головой, махать и смотрѣть однимъ глазомъ въ будку. Кругликовъ, Апухтинъ и Богдановъ актеры ансамбля.

КОЗЛОВЪ. Оперетка г. Добротини кое какъ протянула сезонъ до конца. И какихъ только инцидентовъ и недоразумѣній не случилось за этотъ сезонъ?! Не разъ въ театрѣ принимала активное участіе полиція, а въ кассѣ возмѣдалъ иногда судебный приставъ, получавшій сборы для удовлетворенія по исполнительнымъ листамъ многочисленныхъ театральныхъ кредиторовъ. Опереточный комикъ г. Щетининъ фигурировалъ въ камерѣ городского судьи, какъ обвиняемый въ клеветѣ. Поводомъ для этого обвиненія послужили куплеты, наскоро испеченные имъ для удовлетворенія гогочущей надъ всѣмъ изъдородъ части публики. Въ этихъ куплетахъ г. Щетининъ пѣлъ (насколько это возможно съ его голосомъ), что желѣзнодорожные кассиры въ Козловѣ «копѣекъ сдачи не дають». На вопросъ судьи, желалъ ли онъ оскорбить эти куплетами кассировъ ст. Козловъ, г. Щетининъ отвѣтилъ отрицательно и былъ оправданъ. Такова юридическая логика. Оркестръ неоднократно отказывался отъ участія передъ самымъ спектаклемъ, требуя жалованья, такъ что нѣсколько оперетокъ прошли безъ оркестра, подъ акомпаниментъ рояля. Кромѣ оперетокъ, были поставлены двѣ оперы «Аскольдова могила» и «Галька». На послѣдней намъ пришлось быть въ театрѣ и убѣдиться, что опера не подъ силу труппѣ г-жи Добротини. Изъ оперетокъ лучше другихъ шель «Мартинъ Рукокопъ», который и далъ три хорошихъ сбора. Зѣтѣмъ шель цѣлый рядъ бенефисовъ; нѣкоторые изъ нихъ удивляли публику своими назначеніемъ, какъ, на примѣръ, бенефисъ управляющаго г. Ахматова, — не артиста, не пѣвца, а просто управляющаго дѣлами оперетки. или такъ же бенефисъ кассири театра. Все искажено! Даже бенефисъ, — этотъ артистическій праздникъ или именины, утратилъ свое значеніе въ рукахъ театральнаго дѣльцовъ.

Второй сезонъ не везетъ Козловскому театру!.. Если глубже взглянуть на исторію возникновенія и существованія этого театра, то до нѣкоторой степени можно опредѣлить и причины его паденія. Первый сезонъ подъ антрепризой г. Томскаго прошелъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо и далъ прекрасные результаты, такъ продолжалось бы и до настоящаго времени, если бы одинъ изъ актеровъ труппы г. Томскаго, не имѣвъ въ наличности пяти копѣекъ, не соблазнилъ бы владельцев театра пятимѣсячной арендой. Чѣмъ онъ рисковалъ!.. Конечно, его антреприза не продержалась до конца сезона и за театръ онъ не заплатилъ. На третій сезонъ нашелся еще антрепренеръ, который снялъ театръ за ту же цифру, но съ тѣмъ, чтобы передать его съ барышемъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ сезонѣ театръ по передаточной надписи на контрактъ нѣсколько разъ переходилъ въ равныя руки и изъ этихъ переходовъ происходили разнаго рода недоразумѣнія, доходившія до суда и вредившія дѣлу.

Пока оперетка г. Добротини подвизалась въ театрѣ Злобина, оставшійся не у дѣла Е. В. Лавровъ поставилъ въ залѣ народныхъ чтевій спектакль «Свѣдѣбу Кречинскаго» и «Вице-мундиръ». 9-го февраля въ залѣ Коммерческаго училища состоялся оперный спектакль подъ упр. М. В. Лентовскаго. Были поставлены 2-я и 4-я картины изъ оп. «Борисъ Годуновъ» и «Боярыня Вѣра Шалого». Зная изобрѣтательность г. Лентовскаго и вѣря въ его опытность въ театральномъ дѣлѣ, публика повѣрила въ возможность постановки этихъ оперъ на сценѣ Коммерческаго училища и въ значительномъ количествѣ наполнила зрительную залу.

По слухамъ, вновь возрождается бывшее когда-то въ Козловѣ Общество любителей драматическаго и музыкальнаго искусства. Но если оно пойдетъ по стопамъ предшествовавшаго его общества, т. е. на ряду съ служеніемъ искусству будетъ и чинопочтаніе и претензіи на первенство, то успѣхъ возрождающемуся обществу предсказать нельзя.

В. Ч.—ннѣ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. Въ декабрѣ оперную труппу г. Эйхенвальда смѣнило у насъ драматическое товарищество подъ управленіемъ г. Любова. Въ Каменецѣ два слишкомъ года не

было драмы, и публика, что называется, проголодалась. Любительские спектакли ставились у насъ въ последнее время въ общемъ такъ неудовлетворительно, что могли только понизить требовательность публики, а не поднять ея художественный вкусъ. Этимъ и объясняется прежде всего тотъ, можно сказать, исключительный успѣхъ, который выпалъ у насъ на долю драмы въ только что минувшемъ сезонѣ, не смотря на посредственный составъ исполнителей. Другую причину того-же успѣха надо признать добросовѣстное отношеніе артистовъ къ своему дѣлу: не смотря на то, что ни одна почти пьеса не была повторена въ теченіи сезона, большинство спектаклей — а число ихъ достигло 40 — оказывались очень недурно сретованными и были поставлены вполне прилично. Можно было-бы отнести къ причинамъ успѣха нашей труппы и разнообразіе ея репертуара, еслибы здѣсь не проявились отчасти та неразборчивость и безвкусіе, которая неизбѣжны у антрепризы, руководящейся только интересами кармана и эксплуатирующей для этого пошловатые запросы губернской публики. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ репертуара здѣшней труппы, приведемъ названія нѣсколькихъ пьесъ минувшаго сезона: «Марія Стюартъ», «Дама отъ Максима», «Дядя Ваня», «Ножъ моей жены», «Идіотъ», «Джентльменъ», «Зазв», «Потонувшій колоколъ», «Измаиль» и т. д. Наибольшій успѣхъ имѣли: «Идіотъ», «Измаиль» и «Дама отъ Максима». Полный провалъ постигъ между прочимъ «Дядю Ваню»: пьеса оказалась совсѣмъ не по силамъ слабымъ исполнителямъ и была окончательно испорчена гг. Либавымъ-Ильинскимъ и Томарю, проявившими изумительное непониманіе своихъ ролей. Достаточно сказать, что г. Ильинскій изобразилъ чеховскаго профессора добродушнымъ старикомъ, пріѣхавшимъ въ деревню отдохнуть отъ ученыхъ трудовъ и влѣтѣвшимъ въ неприятную исторію только благодаря своей профессорской непрактичности и тому, что его благожелательные проекты и комбинаціи не понравились психопатическому и завистливому «Дядѣ Ванѣ» (г. Томара). Безъ сомнѣнія, пьеса много выиграла бы, еслибы роль профессора была поручена г. Борисовскому, который представлялъ лучшую силу въ нашей труппѣ и дѣйствительно служилъ украшеніемъ тѣхъ спектаклей, въ которыхъ принималъ участіе. Въ нѣкоторыхъ, немногихъ впрочемъ, роляхъ былъ недуренъ и г. Любовь, но въ общемъ это артистъ довольно однообразный, съ шаблонною манерой исполненія. Изъ числа артистокъ замѣтно выделялась въ теченіи сезона г-жа Токарева, — безъ сомнѣнія, одна изъ дѣйствительно даровитыхъ провинціальныхъ примадонн. Заслуженнымъ успѣхомъ пользовалась также иногда и г-жа Свободина.

Въ послѣднемъ засѣданіи нашей городской думы обсуждался вопросъ, кому сдать городской театръ на будущій зимній сезонъ. Предложеніе поступило уже отъ нѣсколькихъ антрепренеровъ (гг. Эйхенвальда и Новикова, г-жи Руджіери и др.). Дума представила рѣшеніе этого вопроса городской управѣ, а управа, какъ намъ извѣстно, склоняется больше на сторону г. Новикова, который очень успѣшно «культивировать» у насъ года четыре тому назадъ оперетку. С — ній.

СМОЛЕНСКЪ. Въ нашемъ городѣ нѣтъ постоянного зимняго театра и до сихъ поръ вопросъ о постройкѣ городского театра, взаимнѣ сгорѣвшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остается открытымъ. Въ последнее время въ городской думѣ говорили по этому поводу, но не пришли ни къ какимъ результатамъ, хотя на постройку театра была собрана нѣкоторая сумма, пожертвованная обывателями. Отсутствіе театра тяжело отзывалось на посѣщающихъ нашъ городъ труппахъ, которымъ приходится играть на сценѣ благороднаго собрания, или на игрушечной сценѣ общественаго клуба, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, безъ декораций, обстановки, за значительную плату. Въ прошломъ году «прогорѣла» труппа малороссійскихъ артистовъ подъ управленіемъ Суходольскаго, а товарищество оперныхъ артистовъ Михайлова-Стояна принуждено было бросить городъ, потерпѣвъ большіе убытки. Недавно товарищество артистовъ московскаго Малаго театра, въ составѣ котораго находились г-жа Яблочкина, гг. Рыбаковъ, Макшеевъ, предполагало остановиться у насъ на нѣсколько гастрольныхъ спектаклей, но не нашлось подходящаго помѣщенія, не нашлось также помѣщенія для оперныхъ спектаклей труппы Лентовскаго, гастроллирующей теперь по провинціальнымъ городамъ — и все потому, что въ нашихъ клубахъ, имѣющихъ сцены — танцовали на ситцевыхъ балахъ и маскарадахъ. Остается для публики театръ народнаго дома, въ которомъ играютъ любители драматическаго искусства. Объ этомъ театрѣ много разъ писали въ столичныхъ газетахъ и указывали, что онъ далеко не выполняетъ своего назначенія — служить просвѣщенію простаго народа. Общедоступные спектакли даются въ театрѣ только одинъ разъ въ недѣлю, во всѣ остальные дни (въ театрѣ играютъ три раза въ недѣлю) устраиваются спектакли въ пользу фонда театра по высокой, недоступной для большинства, платѣ. Такъ какъ развлеченій въ городѣ мало, публика охотно посѣщаетъ спектакли «народнаго» дома, но народъ, простой народъ, для котораго и устраивался этотъ театръ, отсутствуетъ. Кружокъ любителей играетъ въ театрѣ подъ режиссерствомъ приглашеннаго на жалованье

артиста г. Алякринскаго, на жалованьи служатъ еще два артиста, артистка и сфлеръ-декораторъ. Постоянныя ссоры между любителями и недоразумѣнія между ними и администраціей заставили многихъ исполнителей отказаться отъ театра и въ настоящее время въ кружкѣ, за немногими исключеніями, находятся весьма и весьма посредственные исполнители. Очень неудачно прошла трагедія Гюцкова «Уриэль Акоста» съ нѣкимъ г. Каганомъ во главѣ, плохо прошла «Василиса Мелентьева», поставленная въ бенефисъ почтенной артистки г-жи Ледковской и безъ всякаго успѣха прошла «Кинъ». Но это не останавливаетъ нашихъ любителей и многие изъ нихъ выставили громадныя витрины на улицахъ города съ фотографическими снимками въ разныхъ роляхъ. Въ театрѣ также красуются витрины съ фотографіями любителей и любителей въ разныхъ позахъ и видахъ. Впрочемъ, нужно отдать справедливость нѣкоторымъ исполнителямъ, напр., г. Плещаскевичу, выступавшему въ «Ревизорѣ» (го-родничій), «Рабочей слободкѣ» и «Свадьбѣ Кречинскаго» (Расплюевъ).

Великимъ постомъ въ городѣ были концерты сестеръ Кристманъ, г-жъ Святловской и Сальской. Концерты прошли съ успѣхомъ, но сборы были не высокіе. Лѣтомъ въ театрѣ Лопатинскаго сада будутъ спектакли товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ артиста театра Литературно-артистическаго кружка г. Степанова, пользующагося симпатіями смолянъ.

ПСКОВЪ. Несмотря на близость, столичныя знаменитости, въ общемъ, рѣдко посѣщаютъ Псковъ, такъ какъ самый полный сборъ не очень значителенъ, ибо отсутствуетъ удобное для представленій помѣщеніе, здѣсь есть, такъ называемое «зало Драматическаго общества» (семейный кружокъ) — мало-вмѣстительное, даже безъ дамской уборной, помѣщеніе въ домѣ частнаго лица и другая зала (общедоступный театр) — болѣе обширное помѣщеніе, но всегда грязное, мрачное и неуютное. Сцены въ обѣихъ залахъ малы, но зато цѣны за помѣщенія, кажется, изрядныя. При такихъ условіяхъ существованіе здѣсь театральной труппы не можетъ быть завиднымъ.

Съ сентября мѣсяца до начала великаго поста здѣсь подвизалось «товарищество русскихъ драматическихъ артистовъ», подъ управленіемъ Н. И. Новиковой-Степановой и М. Г. Межевого. Сезонъ обезпечилъ участникамъ товарищества лишь скромное существованіе. Изъ женскаго персонала нужно указать на г-жу Страхову, драматическую актрису, и на г-жу Корчагину, ingénue comique и водевильную актрису, молодую, симпатичную и живую. Г-жа Новикова-Степанова играла комическихъ старухъ, а въ товариществѣ ей принадлежалъ первенствующій голосъ. Г-жа Надеждина обладаетъ довольно сильнымъ симпатичнымъ голосомъ. Изъ мужскаго персонала слѣдуетъ указать прежде всего на г-на Александровскаго, молодого артиста на роли драматическаго резонера. Далѣе г. Крашенинниковъ. Въ роляхъ молодыхъ героевъ онъ имѣлъ значительный успѣхъ. Г. Козыревъ-Сокольскій, комикъ, нравился публикѣ, но брался за неподходящія роли и г. Межевой, какъ режиссеръ и исполнитель бытовыхъ ролей, съ честью несъ свои нелегкія обязанности. Въ игрѣ принимали часто участіе любители изъ мѣстныхъ жителей, изъ нихъ обратили вниманіе г-жи Майнова, Рашина и Шеншина и г. Кукуевъ и Ленскій (псевд.). Г-жи Новикова-Степанова и Корчагина, а также г. Александровскій и Крашенинниковъ получили отъ мѣстнаго драматическаго общества приглашеніе на лѣтній сезонъ въ «Народный театръ», который, будучи поставленъ предѣлательницей общества М. В. Красовской на издѣлающій путь, имѣть здѣсь большой успѣхъ.

ХЕРСОНЪ. Въ корреспонденцію, напечатанную въ 8 №, вкрались нѣкоторыя неточности. Не входя въ подробную оцѣнку отдѣльных исполнителей, можно сказать, что труппа въ общемъ была слабая, кромѣ Смирновой, Горской, Судьбинина, Раковского, Флоровскаго и Колесова, остальные не удовлетворяли требованіямъ.

Если принять во вниманіе тяжелый неурожайный годъ для Херсона, труппу съ проблемами и недочетами, слабость режиссерской части, то дѣла въ матеріальномъ отношеніи можно считать прекрасными. Напримѣръ, Николаевъ, несмотря на лучший составъ труппы, принесъ г. Аярову, какъ говорятъ, 8,000 убытку.

Въ подтвержденіе высказаннаго сошлюсь на двѣ статьи въ «Югѣ» о городскомъ театрѣ г. Ярсона, могущія послужить матеріаломъ для оцѣнки дѣятельности нашего антрепренера и общей постановки и условій театрального дѣла въ г. Херсонѣ.

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ
съ 20 го по 27-е марта 1900 года.

Михайловскій театръ. — 21-го «Niniche», — 22-го «La mouche», — 23-го «Niniche», — 24-го «Médor», — «De la lune au Japon», — 25-го «Le passé», — 26-го «Le passé».

Маринскій театръ. — 21-го Повтореніе концерта въ пользу инвалидовъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматич. сочиненіямъ, безусловно дозволеннымъ къ представленію по 1 фев. 1900 г.

(См. «Прав. Вѣстн.» № 60).

1) Былая Русь. Историческая драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (По печатному изданію. А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). С.-Петербургъ 1900 года).

2) Государь Царь Іоаннъ III Васильевичъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (По печатному изданію. А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). Драматическія произведенія. Томъ I-й. С.-Петербургъ 1900 года).

3) Дѣдушкинъ кладъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе З. Б. Осетрова (По печатному изданію: «Изъ жизни народа». С.-Петербургъ 1900 года).

4) Жакъ Мари. Драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ А. Геріа. Переводъ съ французскаго баронессы Е. К. Остенъ-Сакенъ. С.-Петербургъ 1899 г.

5) Заза. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Пьера Вертона и Шарля Симона. Переводъ Э. Латернера (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство». Типографія «Трудъ». С.-Петербургъ 1899 года).

6) Ифигенія—жертва. Трагедія Еврипида. Перев. съ греческаго Анненскаго (По печатному изданію. С. Петербургъ 1898 года).

7) Іезуиты въ Литвѣ. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, въ стихахъ (По печатному изданію. А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). С.-Петербургъ 1900 года).

8) Крещеніе Литвы. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (По печатному изданію. А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). С.-Петербургъ 1900 года).

9) Кумъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе З. Б. Осетрова (По печатному изданію «Изъ жизни народа». С.-Петербургъ 1900 года).

10) Лихолѣтье. Драматическая хроника въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (По печатному изданію. А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). Драматическія произведенія. С.-Петербургъ 1900 г.).

11) Разбитое сердце. Драма въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе З. Б. Осетрова (По печатному изданію «Изъ жизни народа». С.-Петербургъ 1900 года).

12) Ребята. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненія З. Б. Осетрова (По печатному изданію «Изъ жизни народа». С.-Петербургъ 1900 года).

13) Сиротская копѣйка. Комедія въ одномъ дѣйствіи Сочиненіе З. Б. Осетрова (По печатному изданію «Изъ жизни народа». С.-Петербургъ 1900 года).

14) Средство противъ тещъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи (съ нѣмецкаго) Б. Е. Писаревскаго и С. А. Абрамова (По печатному изданію. Одесса 1899 года).

15) Чужая жена. Драма въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе З. Б. Осетрова (По печатному изданію «Изъ жизни народа». С.-Петербургъ 1900 года).

Въ виду обращаемыхъ къ намъ просьбъ и заявленій о затруднительности вычислять плату за помѣщаемыя объявленія въ справочномъ отдѣлѣ, котораго устанавливаетъ для публикацій объ ангажементѣхъ пониженную *однообразную плату*: 1 р. за объявленіе, со скидкой 40% проц. при повтореніи.

Справочный отдѣлъ.

Нужны актеры и актрисы въ небольшое товарищество для уѣзднаго города на лѣто. Адресъ: Г. Саратовъ, Духосошественская площ., д. Жуковой, А. К. Смирнову.

Л. П. Дитѣровъ, — драматическій любовникъ и герой. Ищетъ ангажемента на лѣтній сезонъ. — Адресъ. Кіевъ. Рейтарская улица, д. 8, кв. 7.

С. В. Лаврецкая, — водевильная съ пѣніемъ. Предлагаетъ услуги на зимній сезонъ 900—901 г. Адресъ: г. Ровно. Театръ.

А. Л. Миролюбовъ. Опытный помощ. режиссера. Свободенъ на зимній 900—901 г. сезонъ. Предлагаетъ услуги. Адресъ г. Ровно. Волын. губ. Типографія Меерсона, А. Л. Миролюбову.

Редакторъ Я. Р. Кутель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ для ВОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: **А. Энглундъ**, красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: **А. Энглундъ**, С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 2.

ПАНАЕВСКІЙ ТЕАТРЪ

Гастроли русской оперной труппы Харьковскаго театра.

ДИРЕКЦІЯ КН. А. А. ЦЕРЕТЕЛИ.

СОСТАВЪ ТРУППЫ: г-жи Е. І. Тэрьянъ-Норганова, Сюнненбергъ, Инсарова, Карамзина-Жуковская, Карпова, Тихомирова, и др. Гг. Л. Л. Донской, А. П. Антоновскій, Южинъ, Каміонскій, Тарасовъ, Бобринскій, Данилевскій и др.

РЕПЕРТУАРЪ: Воскр., 19-го марта 2 спект. утр. по уменьш. цѣнамъ: „Жизнь за Царя“, веч. „Фаустъ“, въ среду, 22-го—1-я гастр. знаменитой пѣвицы Альмы Фостремъ оп. „Травиата“. Открыта продажа билетовъ на 1-й спект. оп. „Забава Путятишна“ съ участ. А. Фостремъ и Л. Донского и на 3-й спект. оп. „Царская Невѣста“.

Спектакли ежедневно.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 марта 1900 г.

К. Шапиро.

Фотографъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ В. К. Владиміра Александровича, В. К. Маріи Павловны и фотографъ Императорской Академіи Художествъ, снимаетъ ежедневно по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

12 кабинетн., прежде 10 руб., теперь 6 руб., эмалиров. 8 руб.

12 америк., прежде 20 и 15 руб., теперь 10 руб., эмалиров. 12 руб.

12 будуарныхъ, прежде 30 и 25 р., теперь 15 р.

Съ особенною любовью снимаю дѣтей.

Также убавлены цѣны съ большихъ портретовъ и группъ. **Единств. фотогр. Бол. Морская, 12, уг. Невскаго.**

№ 1266 (50—10)

Въ городѣ ОМСКЪ

Сдается театръ на лѣтній сезонъ съ 6-го мая по 1-е сентября 1900 г. Желательны малорусская труппа или опера. Театръ вмѣщаетъ до 800 руб. по обыкновенію цѣнамъ. Есть въ городѣ превосход. оркестръ. Можно и на пропѣвахъ. Обращаться къ антрепренеру Омскаго театра, М. С. Уварову-Самборскому.

№ 1281 (2—1)

Типографія Сиб. Т-ва „Трудъ“, Фонтанка, 86.